

Шестерки умирают первыми

Автор:

[Александра Маринина](#)

Шестерки умирают первыми

Александра Маринина

Каменская #6

В Москве появляется неизвестный убийца-снайпер, который каждую неделю убивает по одному молодому мужчине. Мафия находит снайпера раньше, чем милиция, и дает ему задание убить оперативника, расследующего незаконные операции по вывозу из страны драгоценных металлов.

Александра Маринина

Шестерки умирают первыми

Глава 1

1

Прижимая к груди толстую папку с документами, Ирина Королева рывком распахнула дверь в помещение протокольного отдела и замерла. Ее рабочий стол, за которым она просидела почти пять лет и на котором в строго определенном порядке все эти годы лежали пятнадцать папок с разными

документами, скреперы, дыроколы, клей, пенал с маркерами и прочие необходимые для работы принадлежности, стол, на котором она с закрытыми глазами могла найти любую, даже самую незначительную бумажку, а нужную папку рука сама вытаскивала из стопки безошибочно, потому что порядок всегда был незыблемым и идеальным, этот самый стол сиял девственной чистотой. На нем не было ничего, кроме пары далеко не новых мужских ботинок, стоящих на заботливо подстеленной газетке.

Ирина осторожно подняла глаза и убедилась, что из ботинок тянутся вверх мужские ноги, затем следует небольшое плотное туловище, а завершается конструкция поднятыми вверх руками, ловко протирающими плафоны красивой семирожковой люстры. Заместитель начальника протокольного отдела Совинцентра Юрий Ефимович Тарасов занимался своим любимым делом – наводил чистоту.

– Юрий Ефимович! – в отчаянии воскликнула Ирина. – Что вы сделали! – Ирочка, вы совершенно не заботитесь о своем здоровье, – ответил он, не прерывая увлекательного занятия. – Вы посмотрите, сколько пыли на плафонах. Видите, тряпочка совсем черная стала. Вы же ослепнете. Нельзя так обращаться со своими глазами. А теперь свет будет яркий, и в комнате веселее станет.

– Где мои документы? – пробормотала она, не в силах двинуться с места.

– Сейчас, Ирочка, сейчас.

Тарасов ловко, несмотря на грузность, спрыгнул со стола и потащил ее к большому встроенному шкафу.

– Вот здесь я вам отвел отдельную полочку и сложил все ваши вещи.

Полочка была застелена чистой белой бумагой, и на ней аккуратной стопочкой лежали все пятнадцать папок, а рядом разложены канцелярские принадлежности. Беда, однако, состояла в том, что шкаф находился довольно далеко от рабочего стола Ирины Королевой.

– Юрий Ефимович, миленький, – взмолилась она, – но я же не могу за каждым документом бегать через весь отдел, мне это неудобно. Я буду целый день не столько работать, сколько сновать туда-сюда.

Тарасов недоуменно посмотрел на подчиненную.

- Глупости, Ирочка. Стол должен выглядеть достойно.

Выглядеть достойно! Тарасов работает в протокольном отделе всего четвертый день, а уже успел довести сотрудников своими претензиями на «достойный вид» чуть ли не до болезни Паркинсона. В первый же день он ошеломил Ирину и ее коллегу Светлану тем, что принялся приводить в «достойный вид» цветы, которые снабженцы доставили для проведения протокольных мероприятий. Он тщательно подрезал стебли, опустив их концы в наполненную водой раковину, обрызгивал лепестки, бросал в вазы таблетки аспирина и кусочки сахара.

- Я вам все расскажу, как надо ухаживать за цветами, чтобы букеты выглядели достойно... - приговаривал он, то и дело бросая бесхитростные взгляды на онемевших от изумления Ирину и Светлану.

Вторым ударом, обрушившимся на сотрудников протокольного отдела Совинцентра, была генеральная уборка, которую затеял новый зам. Он носился с тряпкой, протирая все, вплоть до цветов в горшках и телефонных аппаратов, громогласно обсуждая планы сдачи в стирку тяжелых многометровых штор и обещая принести завтра же специальный порошок для чистки кафеля.

- Девочки, я вам все расскажу, как нужно поддерживать чистоту в ванной, чтобы все выглядело достойно...

Протокольный отдел занимал большой гостиничный номер-«люкс», и, кроме санузла, в нем была еще и кухня. Ирина с ужасом подумала о том, что уж кухню-то Тарасов точно захочет привести в достойный вид...

На второй день, услышав, как она по телефону спрашивает у сына, погулял ли тот с собакой, Юрий Ефимович тут же отреагировал:

- Какая у вас собака, Ирочка? У меня у самого три овчарки, я вам все расскажу, как надо ухаживать за собаками.

Подумать только, три овчарки! Есть ли вообще такая область жизнедеятельности, в которой Юрий Ефимович Тарасов не чувствовал бы себя

экспертом? Когда Светлана чихала, он начинал пространно рассказывать ей, как нужно лечить простуду, когда Ирина звонила домой сыну, он делал ей замечания и учил, как нужно разговаривать с семнадцатилетним юношей, чтобы держать его в узде, но в то же время не обижать чрезмерной опекой, а когда начальник отдела Игорь Сергеевич Шульгин садился за компьютер, его заместитель был тут как тут с полезными советами по части гимнастики, которую можно и нужно выполнять, сидя на стуле, каждые сорок минут.

– Что за гадость вы едите? – возмущался Тарасов, глядя, как дамы коротают обеденный перерыв за кофе с картофельными чипсами. – Здесь же есть плита. Я принесу кастрюльку и буду варить вам супы.

– Ну нет! – взвился Шульгин. – Этого не будет. Непроточольных запахов я не допущу. Здесь же целый день иностранцы, посетители, офис должен выглядеть достойно.

Этот аргумент Тарасов принял, даже не заметив сардоническую улыбку на лице начальника.

Весь третий день на своей новой работе Юрий Ефимович посвятил разборке и сортировке флагов, которые должны выставляться на стол переговоров. Флаги лежали в отдельном шкафу хаотичной кучей. Вообще-то следить за ними полагалось Светлане, но она не была такой собранной и аккуратной, как Ира, а в последнее время и вовсе забыла про них, с головой погрузившись в переживания по поводу измены мужа, поэтому в шкафу с протокольными символами дружбы и сотрудничества царил катастрофический беспорядок.

И вот сегодня, в пятницу, 24 марта 1995 года, Юрий Ефимович Тарасов заканчивал свой четвертый рабочий день в качестве нового заместителя начальника протокольного отдела. Ирина Королева только что вернулась из ОВИРа, и обморок, к которому она была близка при виде своего убранного стола, мог бы поставить в этом укороченном (по случаю пятницы) рабочем дне достойную точку.

Настя Каменская почувствовала, как ей в спину уперлось жесткое колено.

– Руки за голову, пальцы в замок на затылке, – скомандовал ей мужской голос.

Она послушно выполнила указание. Сильные теплые руки обвили ее сомкнутых рук.

– А теперь скажите «мама».

– Ма... Ой!!!

Мгновенная боль пронзила ее и тут же отступила.

– Все, все, все, – успокаивающе произнес массажист. – Ничего страшного не случилось, я просто поставил вам позвонки на место. Теперь будет меньше болеть. Можно вставать.

Настя поднялась с массажной кушетки и начала одеваться.

– И на сколько мне хватит вашего лечения? – спросила она, натягивая джинсы.

– Как вести себя будете, – лукаво улыбнулся массажист. – У вас, с одной стороны, не залеченная вовремя травма, а с другой – сидячий образ жизни. С травмой уже ничего не поделаешь, вы слишком ее запустили. А смещения позвонков можно избежать, если делать гимнастику.

– Ой нет! – испугалась Настя, которую в дрожь бросало от одного только упоминания о физических упражнениях. Никогда в жизни она не только не занималась спортом, но даже и зарядку не делала. Она для этого была слишком ленива.

– Ну почему сразу «нет»? – удивился массажист, невысокий жилистый парень с кривоватым носом и веселой улыбкой. – Это займет совсем немного времени, буквально пять-семь минут, но как минимум три раза в день. Неужели вам это не по силам?

– Нет, – она решительно помотала головой. – Я буду лениться и забывать.

- Тогда смените образ жизни, - посоветовал он, заглядывая в ее медицинскую карту. - Вы же оперсостав?

- Угу.

- Тогда откуда сидячая работа? Вас, сыщиков, ноги кормят, как волков.

- Меня кормит усидчивость, - усмехнулась Настя, зашнуровывая кроссовки. - Целыми днями сижу, черчу схемы и придумываю разные глупости.

- Погодите-ка, вы не у Гордеева случайно работаете?

- У него самого, - подтвердила она.

- Так вы - та самая Каменская?

- Какая - та самая?

- Про которую говорят, что у нее голова как компьютер. Вы же анализом занимаетесь, правильно?

- Правильно. А что, об этом уже знает вся поликлиника ГУВД? Никогда не думала, что мировая слава настигнет меня в массажном кабинете, когда я буду в полуголом виде.

Массажист расхохотался.

- Не обижайтесь. Мы с постоянными пациентами всегда болтаем. А поскольку травматизм самый высокий как раз среди работников уголовного розыска, то ко мне на массаж чаще всего они и ходят. Кто с ногой, кто с рукой, кто, как и вы, со спиной. Так что я про вас слышан. Так будете ходить ко мне или ограничитесь одним посещением?

- Посмотрим, - уклончиво ответила Настя. - Сами понимаете, в нашей работе ничего планировать заранее нельзя.

– Ну смотрите.

Ей показалось, что веселый массажист обиделся на нее за явное нежелание ходить к нему лечиться. Но о систематических визитах в поликлинику она и помыслить не могла. Сегодняшнее посещение было исключением из правила, и то только потому, что спина разболелась невыносимо, а место, куда ей непременно нужно было сегодня зайти, находилось всего в двухстах метрах от поликлиники. Немаловажным было и то, что массажист, которого ей так нахваливал Юра Коротков, работал сегодня в первую смену, с восьми утра, поэтому она успевала к десяти часам на работу. Пропускать утреннюю оперативку ей ни в коем случае нельзя было, да и не хотелось.

Выйдя из поликлиники, она завернула за угол и отправилась в издательство, чтобы договориться о переводе французского детективного романа, за который она намеревалась взяться в мае, во время очередного отпуска. На 13 мая назначено ее бракосочетание с Алексеем Чистяковым, а после этого они оба возьмут отпуск и займутся работой в свое удовольствие: Леша будет писать очередную заумную книжку по математике, а она, Настя, будет переводить французский роман, зарабатывая дополнительные деньги, помогающие ей заткнуть прорехи в бюджете.

В это утро понедельника, 27 марта, ей везло. К массажисту не было очереди, редактор, с которым она всегда сотрудничала, на работу пришел даже раньше девяти часов, и к себе на работу, на Петровку, 38, Анастасия Каменская явилась вовремя. Однако на этом везенье кончилось. За несколько минут до начала оперативного совещания у начальника отдела полковника Гордеева к Насте в кабинет залетел взъерошенный Николай Селуянов.

– Аська, тебя Чернышев искал. У него опять труп.

– Где?!

– На этот раз в Талдомском районе. Молодой парень, на вид лет восемнадцать-двадцать. Огнестрельное ранение в голову. Это уже четвертый, если я не ошибаюсь.

Селуянов не ошибался. В течение месяца на территории Московской области были обнаружены три, а теперь уже четыре трупа молодых мужчин в возрасте

от девятнадцати до двадцати пяти лет с одинаковыми огнестрельными ранениями в голову. Экспертиза утверждала, что пули, извлеченные из тел, были выпущены из одного и того же пистолета. Оружие в розыске не числилось, стало быть, до этих убийств при совершении преступлений не использовалось. Собственно, к Московскому уголовному розыску эти преступления отношения не имели, ими занимались сыщики из областного управления внутренних дел. Одним из них и был Андрей Чернышев, которого Настя хорошо знала и с которым неоднократно вместе работала. Он-то и обратился к ней с просьбой «покрутить информацию в голове, может, что придумается». Пока ничего интересного не придумалось, все потерпевшие казались ничем друг с другом не связанными, даже знакомы не были. Но для того, чтобы выявить возможные связи между ними, требовалось еще очень много времени и очень большая, скрупулезная работа, включающая в том числе и установление всех их школьных и институтских друзей, армейских сослуживцев, соседей по домам и дворам, начиная с самого детства. Единственное, что их связывало, это оружие, из которого они были убиты, по крайней мере, первые трое. Про четвертого потерпевшего ничего известно не было, но Настя была уверена, что и он окажется «из той же компании». Судя по тому, что Чернышев поторопился сообщить ей об очередном убийстве, он тоже в этом не сомневался.

Оперативку начальник провел быстро, выслушал отчеты сотрудников по текущим делам, в конце сообщил о том, что сыщики между собой называли «новыми поступлениями».

– Сегодня утром в Совинцентре обнаружен труп одного из сотрудников протокольного отдела. Туда выехал Коротков, он как раз дежурил. Если нам придется подключаться, то этим займется... этим займется...

Гордеев снял очки и, засунув дужку в рот, стал задумчивым взглядом обводить сидящих в комнате подчиненных. Яркое мартовское солнце вело себя похулигански, играя бликами на его гладкой лысине и норовя попасть в глаза. Полковник недовольно щурился и все время ерзал на своем кресле, пытаясь уклониться от назойливого слепящего луча.

– И ведь ни у кого ума не хватит встать и штору задернуть, – проворчал он, резко отталкиваясь от стола и отъезжая на своем роликовом кресле в более безопасное место. – Лесников, займешься Совинцентром, если будет нужно. Ну и, естественно, Анастасия, это уж как водится.

Игорь Лесников обернулся к Насте и сочувственно подмигнул. Если каждый сотрудник отдела по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями занимался своими полутора десятками убийств и изнасилований, то Анастасия Каменская занималась всем тем, что «сваливалось» на отдел. Гордеев поручил ей выполнять функции аналитика, и она могла, среди ночи ее разбуди, рассказать все об убийствах и изнасилованиях, совершенных в Москве за последние восемь-десять лет. Сколько их было, как они локализованы на территории города, как меняется их интенсивность в зависимости от времени года, дней недели, праздников и будней и даже дней зарплаты. По каким мотивам, кем и какими способами совершаются эти преступления. Сколько из них раскрыто, какие типичные ошибки и недоработки встречаются в работе оперативных и следственных аппаратов, какие доказательства не проходят в суде, из-за каких оплошностей уголовные дела возвращаются судьями для проведения дополнительного расследования. Как меняются ухищрения преступников по части маскировки и сокрытия следов, как развивается и совершенствуется мастерство работников милиции по преодолению этих ухищрений. Настя Каменская знала о московских убийствах все. Но, кроме этого, она помогала в работе по каждому преступлению, которым занимались оперативники ее отдела. У нее было мышление, не ограниченное рамками магических слов «как правило», что и позволяло ей придумывать самые невероятные версии. «Правило может быть только одно – законы природы, – говорила она. – Кирпич, брошенный с высоты, должен упасть вниз, потому что есть закон всемирного тяготения. И если кирпич не падает, я не говорю, что этого не может быть, а ищу причину, по которой он не упал. Может, он был привязан прозрачной леской. Или в него напихали железа и удерживали мощным магнитным полем». И если ей говорили, что муж убил жену, задержан рядом с ее бездыханным телом и во всем сознался, она начинала выстраивать версии, разбив их для начала на две большие группы: убил тот, кто сознался, и убил кто-то другой. Никакие слова о признании убийцы на нее не действовали. Подкуп, желание выгородить кого-то близкого, шантаж, временное помешательство – да мало ли причин, по которым «кирпич, брошенный с высоты, все-таки не падает вниз».

3

Ближе к полудню появился уставший, с посеревшим после суточного дежурства лицом, Юра Коротков.

– Да за что же нам невезуха такая! – сокрушался он, сидя за столом напротив Насти и большими глотками отпивая из чашки крепкий черный кофе. – Только-только с Галактионовым разделались, а на тебе, пожалуйста, подарочек к 1 апреля. С этим Тарасовым мы намучаемся, вот попомни мое слово.

Настя понимающе кивнула. Две недели назад они закончили заниматься убийством начальника кредитного отдела банка «Эксим» Галактионова, у которого было такое количество связей и знакомств, что на проверку их ушла уйма времени. А в итоге оказалось, что убил его человек, в том огромном списке не числившийся. О знакомстве убийцы и жертвы вообще никто не знал, они познакомились случайно в поезде, почти сутки играли в купе в преферанс и разошлись, обменявшись телефонами.

– Мало того, что в Совинцентре работает три тысячи человек, там еще в гостиницах проживает столько же гостей. А до Совинцентра Тарасов работал в системе Министерства среднего машиностроения, причем работал много лет и на разных должностях. Что это за убийство? Хвост с предыдущей работы, или он за четыре дня своей деятельности в протокольном отделе успел кому-то на мозоль наступить? Ох, Ася, сил моих нет, скорей бы на пенсию. Кстати, там, в отделе у Тарасова, твоя однокурсница работает. Ты же в 1982-м юрфак закончила?

– Да.

– Вот и она тоже. Королева Ирина. Помнишь такую?

– Иришку? Помню, конечно. Погоди, а кем она там работает? Начальником отдела?

– Разбежалась, – фыркнул Коротков. – Консультантом второй категории.

– Да что ты? – изумилась Настя. – Она же была такая способная. Неужели карьеру не сделала? Надо же, как жалко. А она меня помнит?

– Я не спрашивал.

– Перестраховываешься?

– Ну, мало ли что, – неопределенно пожал плечами Юра. – Вдруг с ней что-нибудь не так, а она побежит к тебе за помощью и советом. Между прочим, это она обнаружила мертвого Тарасова. И, между прочим, свидетелей при этом не было.

– Между прочим, между прочим, – передразнила его Настя. – Между прочим, шила в мешке не утаишь. Если с ней что-то не так, то она поднимет все свои университетские знакомства, чтобы найти кого-нибудь на Петровке, и так или иначе на меня выйдет. Чего зря темнить-то? Ладно, рассказывай, что там стряслось. Еще кофе налить?

– Чуть попозже. Значит, так. Твоя подруга Королева, с ее слов, пришла утром на работу, было это без пяти девять, и страшно удивилась, что дверь уже открыта. Обычно первой приходила Светлана Науменко и никак не раньше четверти десятого. Королева тоже хронически опаздывает и приходит где-то в девять тридцать. К десяти часам подтягиваются начальники. Точнее, так было раньше, до того, как пришел Тарасов. Юрий Ефимович – человек дисциплинированный и устроил женщинам выволочку за опоздания. Мол, официальное учреждение должно работать с того часа, какой указан в справочных документах. Написано, что с 9 до 18 – и будьте любезны находиться на месте, иначе иностранцы нас за серьезных людей считать не будут. Дамы, естественно, заныли, что в силу природной несобранности не могут гарантированно приходить каждый день ровно к девяти. Демократичный Тарасов пошел на уступку и разрешил им опаздывать через день. Он, мол, не тиран, но в девять офис должен быть открыт для посетителей, поэтому один день можно опаздывать Королевой, другой – Науменко. Пусть сами договариваются. На начальников это правило, конечно же, не распространяется, потому что начальники все равно не могут решить те вопросы, с которыми приходят посетители, для этого и существуют консультанты, которые все знают и все умеют. А начальники только ими руководят. Сегодня Королева должна была прийти первой, к девяти часам. Поэтому она никак не ожидала, что на работе уже кто-то есть. Вошла – тишина, никого не видно. Открыла шкаф, увидела пальто Тарасова, позвала его. Ответа нет. Разделась, прошла на кухню, чтобы включить чайник, а там – покойник. Вот, собственно, и все. В девять десять об этом узнала служба безопасности Совинцентра, а в девять тринадцать дежурная часть ГУВД. Дежурная группа прибыла туда в девять сорок. Сейчас труп повезли к Айрумяну на вскрытие, но на глазок видно, что причина смерти – удушение.

– Весело, – задумчиво протянула Настя. – Ирка вряд ли его задушила, если она до сих пор такая, какой была раньше. Невысокая и худенькая, у нее силенок не хватило бы. Как ты думаешь, на нас это убийство повесят или Центральный округ своими силами обойдется?

– Уже повесили, – хмуро откликнулся Коротков. – Ой, не нравится мне это убийство, Аська, ой не нравится.

– Ладно, не причитай, тебе всегда не нравится. Нормальная реакция.

– Почему нормальная?

– Потому что нормальному человеку убийство и не должно нравиться.

– Я же не в этом смысле...

– Я знаю, в каком смысле. Ты сейчас пойдешь отсыпаться?

– Да куда мне! – Коротков безнадежно махнул рукой. – Дома пацан, как раз уже из школы придет через часок, в одной комнате теща, в другой он возится. Разве тут выспишься? Буду до ночи терпеть. Может, чего полезного еще сделаю. Ты мне кофе обещала, если я правильно понял.

Настя снова включила кипяtilьник и принялась расчищать письменный стол. Сдвинув в сторону папки и бумаги, она разложила на столе несколько чистых листов. Через некоторое время листы эти покроются одной ей понятными словами, кружочками, закорючками и стрелками. На каждом листе появится группа версий, которые нужно будет проработать, чтобы попытаться понять, кто и почему убил Юрия Ефимовича Тарасова.

Он ехал в автобусе, устремив невидящий взгляд куда-то за окно. Сегодня утром, придя на работу и первым делом, как обычно, просмотрев сводку, он узнал об убийстве Тарасова. Глядел на отпечатанные на принтере строчки и никак не мог

взять в толк, что речь идет не об однофамильце Юрия Ефимовича, а о нем самом. Известие ошеломило его. Он не хотел в это верить, поэтому тут же кинулся проверять, позвонил Тарасову домой. Но все оказалось правдой. Он не стал разговаривать с женой, потому что был уверен, что она уже получила от работников милиции указание фиксировать все звонки: кто позвонил, когда и зачем. Ему было достаточно услышать ее голос, чтобы понять: беда случилась с ним, с Юрием Ефимовичем.

«А как же я?» – подумал Платонов и тут же устыдился своей мысли. Ну при чем тут его трудности и проблемы, когда нет больше Тарасова? Нет Юрия Ефимовича, нет человека, на которого Платонов мог положиться, которому мог доверять безгранично. И без чьей помощи не мог обойтись. Вот опять он пришел к тому же самому: как же он теперь будет обходиться без Тарасова?

Когда прошел первый приступ отчаяния, нахлынула волна жалости. И только в третью очередь в голову Дмитрию Платонову пришел вопрос: КТО? КТО ЕГО УБИЛ И ПОЧЕМУ?

5

Тяжесть давила на сердце все сильнее, и после работы Платонов поехал не домой, а к Лене. Возле нее он отдыхал, расслаблялся, становился мягким как воск. Лену он знал много лет, еще с тех пор, когда она бегала в школу с портфелем и с огромным бантом в волосах и была для него не Леной, а просто младшей сестренкой друга и коллеги Сергея Русанова. Платонов женился, заводил бесчисленные, большей частью кратковременные романы, а потом вдруг увидел не сестренку, а прелестную девушку Елену Русанову. Так случается часто и со многими, ничего необычного в этом не было. Правда, отношения с Сергеем из-за этого чуть не испортились.

– Не морочь девочке голову! – кричал Русанов. – Ты все равно на ней не женишься, а она так и прождет тебя, пока не постареет.

Конечно, Русанов был прав, для того, чтобы жениться на Лене, Платонову надо было развестись. А на это у него моральных сил не хватало, о чем прекрасно знал и он сам, и его друг. Легкий в общении, контактный, обладающий

настоящей мужской привлекательностью, Дмитрий Платонов вел себя с женой так же, как и в первые месяцы после свадьбы, свято веря в то, что умирание влюбленности не делает людей врагами, и даже если ты не трепещешь от восторга и страсти при виде собственной жены, это вовсе не означает, что не нужно быть с ней ласковым, не нужно делать ей подарки и оказывать другие знаки внимания. Его вполне устраивала жена, точно так же, как вполне устраивали его те женщины, с которыми он ложился в постель, с кем – на несколько часов, с кем – на неделю, а с некоторыми даже на несколько месяцев. И он не мог себе представить, как можно, почти ежедневно занимаясь любовью с женой Валентиной, вдруг ни с того ни с сего заявить ей о своем желании развестись. Правда, с Леной все было по-другому. Лену он любил. Но все-таки не настолько сильно, чтобы решиться причинить боль жене.

– Я люблю ее, Сережа, – очень серьезно говорил Платонов. – Я ничего не могу с этим поделать. И она меня любит. Ну, убей меня, если тебе от этого станет легче. Но если мы с Леной расстанемся, то оба будем страдать. Ты же не хочешь, чтобы твоя сестра страдала, правда?

– Ты подонок, – кипятился Сергей. – Зачем ты вообще все это начал, если знал, что не будешь разводиться? Она что, шлюха, девочка на одну ночь? Как ты мог?

Лена плакала и умоляла их не ссориться. Она любила обоих, любила по-разному, но одинаково сильно.

– Я не хочу замуж, – уверяла она брата, – меня все устраивает. Я просто хочу любить Диму, понимаешь? Я без него жить не смогу.

Сергей уходил, хлопая дверьми, неделями не разговаривал ни с сестрой, ни с Платоновым. Потом все как-то утряслось, ситуация стала привычной, Русанов к ней притерпелся. Главное, чтобы Лена была счастлива.

Платонов открыл дверь своим ключом и сразу услышал быстрые легкие шаги. Лена выскочила в прихожую и повисла у него на шее.

– Димка! Миленький! Как хорошо, что ты пришел.

Обнимая ее и вдыхая знакомый запах ее кожи и духов, Платонов подумал, что, пожалуй, напрасно пришел сегодня сюда. Она так радуется его приходу, она

соскучилась по нему, а он совсем не расположен к разговорам, настроение у него хуже некуда. И себе не поможет, и ей вечер испортит.

– Ты надолго? – спросила Лена, заглядывая ему в глаза, и Платонов подумал, что еще не поздно отступить. Взять и сказать сейчас: «На минутку. Очень много работы. Оказался в этом районе, не мог не забежать. Налей мне чаю быстренько, сделай какой-нибудь бутерброд, и я побегу». Он говорил так множество раз, когда действительно оказывался возле ее дома случайно и должен был лететь дальше по своим сыщицким делам, так что Лена не удивилась бы и не обиделась. Но мысль о том, что со своей тяжестью на душе ему придется сейчас остаться одному и бродить по холодным темным улицам, показалась Платонову столь пугающей, что он (в который раз в своей жизни!) смалодушничал.

– Если у тебя нет других планов, – сказал он, кляня себя в душе, – я останусь до завтра.

Лена удивленно посмотрела на него, но ничего не сказала. Если Платонов оставался у нее на ночь, это означало, что его жена Валентина куда-то уехала из Москвы, в командировку, в отпуск или просто к друзьям на дачу. О таких поездках Дмитрий сразу же ставил Лену в известность, и они сообща радостно планировали, как проведут неожиданно выпавшие им вечера и ночи вдвоем. В этот раз он ничего не говорил о предполагаемом отъезде жены, так откуда же возможность ночевать вне дома?

Платонов сел в глубокое мягкое кресло и закрыл глаза. Он слушал шаги Лены и пытался по ним представить себе, что она в данный момент делает. Из комнаты – в кухню. Остановилась, хлопнула дверцей холодильника, чиркнула спичкой. Чуть слышно что-то звякнуло. Он безошибочно определил, что Лена достала из холодильника кастрюлю и поставила ее на огонь, потом сняла крышку и на всякий случай проверила содержимое. У нее было шесть совершенно одинаковых маленьких кастрюль, красных в белый горошек, которые ей ужасно нравились, поэтому Лена складывала в них все, что только возможно. Несколько раз поначалу случалось, что она ставила на огонь вынутую из холодильника кастрюлю с супом, а через несколько минут оказывалось, что вместо супа греется квашеная капуста. Теперь Лена всегда проверяла кастрюли, но почему-то не сразу, а после того, как поставит их на огонь. Логику ее действий Платонов понять не мог, но считал эту странность несущественной.

Скрипнула дверца духовки, что-то гроыхнуло – Лена достала сковороду. Снова дверца холодильника, звяканье приборов в резко открытом выдвижном ящике рабочего стола, потом многообещающее шипенье. Платонов понял, что из холодильника достали масло, а из ящика – нож, и сейчас Лена пожарит ему какое-нибудь необыкновенно вкусное мясо. Он с закрытыми глазами представлял себе ее пухленькую фигурку в свободном свитере, снующую от плиты к столу, ее сосредоточенно наморщенный носик, длинные темно-шоколадные волосы, перехваченные простенькой ленточкой. Слух у Платонова был превосходный, и такого рода «подслушивание» доставляло ему огромное удовольствие, потому что заставляло работать и логическое мышление, и память, и фантазию.

Прислушиваясь к доносящимся из кухни звукам, он почувствовал, что его немного отпустило. Боль от мысли о смерти Тарасова была по-прежнему сильной, но ощущение безысходности притупилось.

После ужина Лена свернулась калачиком на полу, положив голову Платонову на колени.

– Я же вижу, у тебя неприятности, – тихонько произнесла она. – Почему ты мне никогда ничего не рассказываешь? Ты по-прежнему считаешь меня ребенком, да?

– Не в этом дело, Алenuшка, – ласково ответил он, пропуская сквозь пальцы ее длинные шелковистые волосы. – Просто тебе незачем это знать.

– Но почему?

– Мы с тобой тысячу раз это обсуждали, – терпеливо сказал Дмитрий. – Я работаю в Главном управлении по борьбе с организованной преступностью. Ты представляешь себе, что такое организованная преступность? Книжки читаешь?

– И газеты тоже, – усмехнулась Лена. – Ты меня страшать собрался?

– Собрался, – подтвердил он. – И не страшать, а объяснять, что это на самом деле все очень непросто и очень опасно. А у тебя вообще положение сложное вдвойне. О наших с тобой отношениях знает, по-моему, вся Москва, за исключением моей жены. Стало быть, захотев оказать на меня воздействие, в

первую очередь схватятся за тебя. А у тебя, помимо меня, дурака никчемного, еще и брат любимый, который тоже работает не абы где, а в Главном управлении по борьбе с экономическими преступлениями. Соответственно, если он кому-то понадобится, то опять-таки возьмутся за тебя. Ты живешь одна, справиться с тобой – проще пареной репы.

- Логика не вижу. Допустим, ты меня убедил, что моя жизнь в опасности. Но это никак не объясняет твоего нежелания делиться со мной своими неприятностями.

- Но ты согласна, что благодаря Сергею и мне над тобой висит постоянная угроза?

- Допустим.

- Так не пойдет. Согласна или нет?

- Ну, согласна.

- А теперь подумай вот над чем. Если над тобой, человеком вполне мирным и занимающимся музыкой, висит постоянная опасность, то в какой обстановке существуем мы с твоим братом? Мы двадцать четыре часа в сутки ходим по лезвию бритвы и, добираясь поздно вечером домой, тихонько благодарим судьбу за еще один прожитый день. Но мы с Сергеем – мужики сильные, опытные, битые. Мы свои силы оцениваем реально и опасность не преуменьшаем, но и не преувеличиваем. А если мы с ним будем про все свои проблемы докладывать тебе, то представь, во что превратится твоя жизнь. Ты понимаешь, о чем я говорю?

- Не очень.

- Тогда маленький пример. Мама ведет ребенка удалять зуб. «Я совсем не боюсь, – говорит ей малыш. – Это же, наверное, не больно». А мама идет ни жива ни мертва. И хотя ей в детстве тоже удаляли молочные зубки и она прекрасно помнит, что это абсолютно не больно, ей кажется, что ее малыш садится не в зубоорачебное кресло, а прямо на электрический стул. Ей кажется, что ему причинят непереносимые страдания. Короче, маме эта процедура стоит в сто раз больше здоровья и нервных клеток, чем ребенку. Теперь понятно?

– Теперь понятно, – кивнула Лена. Голова ее по-прежнему лежала у него на коленях, поэтому кивок был обозначен тем, что девушка потерлась щекой о его брюки. – Несмотря на то что ты старше меня на пятнадцать лет, ты боишься, что я буду воспринимать тебя с точки зрения матери. Ты не передергиваешь, Платонов?

– А женщины всегда нас так воспринимают, – усмехнулся он. – Об этом много написано, особенно в прозе XIX века. Да и сейчас нет-нет да и мелькнет. Вот хоть у Эдуарда Тополя, например.

– Ты что, Тополя читаешь? – возмутилась Лена. Она резко откинулась назад и теперь сидела на ковре, сверкая негодующим взглядом.

– А в чем дело? – весело поинтересовался Дмитрий. Конечно, он прекрасно знал, в чем дело, но ему нравилось дразнить Алену. У нее был невероятно строгий вкус и высокие требования ко всему, что касалось искусства, будь то музыка или литература, кино или живопись.

– Ты еще спрашиваешь, в чем дело! Я же запретила тебе читать его книги. Это дешевка, это конъюнктурная чернуха-порнуха, это...

Она задохнулась от возмущения и не смогла найти нужных слов, только яростно сверкала темными большими глазами.

Дмитрий смотрел на нее и умилялся. Она все еще полагает, что один человек может что-то запретить другому и этот запрет будет эффективным. Типичное материнское мышление. Когда один человек говорит: «Я запрещаю», у другого может быть только две реакции. Либо «Ну и запрещай. А я все равно буду это делать, и даже скрывать от тебя не стану», либо «Я все равно буду делать, только постараюсь, чтобы ты не узнал». Не родился еще человек, который в ответ на запрещение искренне подумал бы: «Ни за что не буду больше так делать».

– А мне нравится, – поддел он Лену. – По-моему, прекрасный писатель, напрасно ты его ругаешь.

– Ты... – Она вдруг расхохоталась. – Мерзавец ты, Платонов! Подловил меня все-таки. Ладно, сдаюсь, ты прав. Если я способна так завестись только оттого, что мы не сошлись в литературных вкусах, то из-за твоих неприятностей я и в самом деле с ума сойду. Чего тебе принести? Выпить хочешь?

Она легко поднялась с пола и потянулась к застекленной секции большой мебельной стенки, где стояли рюмки и фужеры.

– А что у тебя есть? – поинтересовался Платонов.

– Что ты приносил, то и есть. Я же сама спиртное не покупаю. Водка еще осталась, коньяк, ликер персиковый и какое-то вино, кажется, мадера. Налить?

– Водку не хочу, – помотал головой Дмитрий. – Хотя надо бы выпить. За помин души только водку можно. Ладно, налей, только чуть-чуть.

Лена молча налила в маленькую стопку водку, принесла из кухни тарелку с немудреной закуской и поставила все это на столик перед креслом, в котором сидел Платонов.

– Кто-нибудь умер? – спросила она почти шепотом.

– Да, милая. Умер замечательный человек, удивительный, человек такой доброты и душевной чистоты, каких я никогда не встречал. Пусть земля ему будет пухом!

Он залпом выпил водку, закусывать не стал, снова откинулся в кресле и прикрыл глаза.

– Он – твой друг? – спросила Лена, отодвигая пустую стопку подальше от края стола и снова усаживаясь на пол.

– Ну, можно и так сказать. Хотя нет, пожалуй, другом его нельзя было назвать.

– Почему?

– Потому что мы почти ничего не знали друг о друге. Вот спроси меня, как он познакомился со своей женой, какую еду он любит, видит ли цветные сны – а я этого не знаю. Дружья обычно знают такие вещи, а я про него ничего такого не знал. И он про меня тоже.

– Что же вас связывало?

– Это трудно объяснить, Аленушка. Мы могли месяцами не видеться и даже не перезваниваться, но, когда встречались, у меня появлялось удивительное ощущение, что рядом со мной находится человек, который никогда меня не предаст. Никогда. Что бы ни случилось. Обычно так воспринимаешь очень близкого и давнего друга, а он не был моим другом. Просто он был... Нет, я не умею это сказать. Ощущение очень яркое, выпуклое, даже осязаемое, а слов подобрать не могу. Мне будет трудно без него.

– Но почему? – настойчиво спрашивала Лена, которая во всем любила логичность и законченность. – Если вы так редко виделись и не были друзьями, то почему тебе будет без него трудно? В чем именно ты не сможешь без него обойтись?

«Дурак! – с досадой осадил себя Платонов. – Чего разболтался? Сентиментальный козел».

– Не обращай внимания на мою болтовню, – уклончиво пробормотал он, наклоняясь и обнимая Лену. – Он был хорошим человеком, и мне жаль, что он умер. Вот и все.

Он украдкой посмотрел на часы. Слава богу, уже почти половина двенадцатого, можно прекратить все разговоры и идти спать. Все-таки хорошо, что он остался здесь. Ему очень хотелось выговорится, сказать вслух, в полный голос о том, как ему больно. И еще ему очень хотелось помянуть Юрия Ефимовича Тарасова. Помянуть не тайком, наливая рюмку за дверцей холодильника и занюхивая водку рукавом, а открыто сказать хотя бы несколько добрых и искренних слов в память об этом человеке, и чтобы эти слова непременно хоть кто-нибудь услышал. Ему это удалось, и стало действительно легче.

Просторные начальственные кабинеты ушли в прошлое, теперь в моде были небольшие уютные рабочие комнаты. На легких черных «угловых» столах, пришедших на смену тяжелым монстрам из орехового дерева с зеленым сукном и вычурными завитушками, появились компьютеры, а вместо собраний сочинений классиков марксизма-ленинизма навесные полки и книжные шкафы ломались от литературы по экономике, финансам, компьютерным технологиям. Немалое место занимал и законодательный материал, и книги на иностранных языках.

Открыв дверь и войдя в комнату, Виталий Васильевич Сайнес в раздражении швырнул плащ на кресло для посетителей, уселся, не зажигая света, за стол и обхватил голову руками. Ему надо подумать, сосредоточиться и подумать. Как неожиданно все обернулось!

Тарасов умер. Несомненно, это хорошо. Хотя сам Тарасов ничем ему не мешал и вообще больше не работал в системе Минсредмаша, но без него как-то спокойнее. Он был слишком умен и слишком хорошо разбирался во всем, что связано с цветными и драгоценными металлами, поэтому в любой момент мог догадаться. Слава богу, пока не догадался. Теперь уж не догадается.

Плохо другое: Тарасов не просто умер. Он убит. И теперь милиция начнет искать того, кому это было выгодно. А кому это было выгодно? Кому мог насолить этот романтический дурачок, обладатель глубочайших и уникальных знаний, которые он так и не научился использовать на благо собственному карману? Навлек на себя гнев ревнивого мужа? Смешно! Не отдал вовремя долг какому-нибудь крутому дельцу? Еще смешнее. Тарасов в жизни рубля займа не взял. А если все-таки догадался? Может быть, поэтому и ушел из системы среднего машиностроения, чтобы развязать себе руки и начать шантажировать тех, кто остался? Но если Тарасова убили по этой причине, то почему же он, Виталий Васильевич Сайнес, ничего об этом не знает? Уж он-то должен был узнать в первую очередь! Кто-то темнит. Тарасов вошел с кем-то в контакт, потребовал себе долю за молчание. Этот кто-то его и убил. Но почему он не сказал о Тарасове остальным? Почему промолчал? Так не делают. Всегда в первую очередь бегут к подельникам, рассказывают, трясясь от волнения, о шантаже, требуют сообща придумать, как вести себя дальше. А просто взять на себя грех, уничтожить шантажиста потихоньку, не беспокоя остальных и ничего им не говоря, не требуя никакой помощи и даже не заявляя своих прав на большой процент от прибыли (мол, я больше вас всех рискую, на мне теперь труп

висит), – это не укладывалось в голове у Виталия Васильевича. По его разумению, чтобы так себя повести, надо иметь очень серьезные, далеко идущие планы. И на первом месте в этих планах должно стоять устранение всех тех, с кем приходится делиться.

Сайнес почувствовал себя неуютно. Кто мог затеять такую игру? Во-первых, тот, кто перекрыл заводу финансирование, из-за чего рабочим нечем платить зарплату. Во-вторых, тот, кто по бартеру гонит этому заводу золотосодержащие отходы производства. В-третьих, та фирма, которая покупает у завода эти отходы в восемь раз дешевле реальной стоимости, но зато за наличные, что позволяет все-таки выплачивать рабочим деньги. И в-четвертых, тот, кто выдал этой фирме лицензию на право торговли цветными металлами и золотосодержащими отходами с зарубежными странами. Так кто же из них контактировал с Тарасовым? По чьему указанию его убили?

Глава 2

1

Запах свежесваренного кофе приятно щекотал ноздри и создавал в помещении протокольного отдела какую-то совсем домашнюю обстановку. Прекращать работу было нельзя, деловые поездки зарубежных и отечественных бизнесменов не должны срываться из-за того, что кто-то почему-то убил Юрия Ефимовича Тарасова. Консультант третьей категории Светлана Науменко принимала посетителей, начальник отдела Игорь Сергеевич Шульгин осуществлял, как обычно, общее руководство, а Ирина Королева поила на кухне кофе свою однокурсницу Анастасию Каменскую и рассказывала короткую четырехдневную эпопею пребывания на службе нового заместителя начальника.

Настя слушала Ирину, и перед ее глазами вставал образ назойливого нелепого существа, не понимающего сути выполняемой им работы и не чувствующего, какое жуткое впечатление производит он на окружающих.

В первый же день Тарасов принялся наводить порядок, и начал он со стола начальника отдела Шульгина. Начальник в это время вместе с генеральным директором присутствовал на переговорах, Светлана Науменко подавала высоким договаривающимся сторонам кофе и напитки, а Ирина уехала в ОВИР, и шустрый Тарасов моментально пробрался в отгороженный ажурной стойкой с полочками уголок, где находился стол Шульгина и его компьютер.

- Игорь вернулся с переговоров, увидел свой стол и побелел, - рассказывала Ира, разливая кофе по маленьким изящным чашечкам. - Тебе сколько сахара?

- Два кусочка. А почему Шульгин так отреагировал?

- Да у него в столе какого только баракла не было. Презервативы, порнография, невымытые рюмки, документы, которые должны быть подшиты в папки, а не валяться бог знает где. И вот представь, он приходит и видит, что все это аккуратненькими стопочками сложено у него на столе. Презервативы отдельной кучкой, порножурналы - отдельно, а сверху на них - открытки примерно такого же содержания. Рюмки отмыты до зеркального блеска и вынесены на кухню. Документы - отдельно, в папку сложены. Впечатление такое, что человек подглядывал в замочную скважину, как ты, к примеру, занимаешься любовью, а потом с невинными глазами начинает тебе советовать, как правильно держать ноги при этом. Ты понимаешь, Настя, ему и в голову не приходило, что то, что он делал, неприлично. Неприлично рыться в чужих вещах. Неприлично навязывать свой стиль жизни людям, которые много лет проработали вместе и выработали свои внутренние правила сосуществования. Неприлично целый день носиться по офису, не закрывая рта, и мешать всем работать. На него невозможно было сердиться, потому что он выглядел при этом очень искренним. Но и терпеть это сил не было. У меня в столе, например, не было ни одной бумажки, ни одной вещи, за которую я могла бы краснеть, даю тебе честное слово, но все равно мне прямо дурно сделалось, когда я увидела, как он с ним обошелся. Так что можешь себе представить, что почувствовал Шульгин, увидев свое хозяйство, выставленное на всеобщее обозрение.

- А Светлана? У нее он тоже навел порядок?

- Еще какой! Сначала все в столе разобрал, а потом в шкафу, где сложены протокольные флаги.

– Короче говоря, он вас всех достал, – резюмировала Настя, допивая свой кофе и ставя чашку на красивое маленькое блюдце.

– Что ты хочешь сказать? Что его убил кто-то из нас?

Настя молча полезла в сумку за сигаретами и долго рылась в ней в поисках зажигалки. – Послушай, – Ирина встала и отошла к противоположной стене, словно боялась в этот момент находиться рядом с бывшей сокурсницей. – Я, конечно, ни одного дня по специальности не работала, но кое-что из университетского курса помню. Ты подозреваешь меня в первую очередь, потому что я пришла необычно рано и обнаружила его, и при этом не было никаких свидетелей. Так? Ты думаешь, что он нашел у меня в столе что-то такое, что сделало его обладателем тайны, которую мне ни в коем случае нельзя было разглашать. Да? Ну скажи, Анастасия, я права?

Настя молчала. Да, Ирочка Королева была очень способной студенткой, и несмотря на то, что в течение двенадцати с половиной лет, прошедших после окончания юридического факультета, она не работала в правоохранительной системе ни одного дня, хватка у нее осталась. По крайней мере, она не превратилась в курицу, что очень часто случается с женщинами, которые забрасывают свою основную специальность ради семьи и детей.

– Почему ты молчишь? – продолжала Ирина, и голос ее звучал все более жестко. – Ты меня подозреваешь или нет?

– Да, – вздохнула Настя, глубоко затягиваясь и резко выдыхая сигаретный дым. – Я вынуждена подозревать и тебя, и Шульгина, и Науменко, и еще три тысячи сотрудников Совинцентра и столько же тысяч гостей, проживающих в гостинице. А также десятки тысяч людей, работающих в системе Министерства среднего машиностроения.

– Не увиливай, – зло сказала Королева. – Меня не интересуют все. Меня интересует твое отношение лично ко мне. Мы с тобой учились в одной группе, мы вместе готовились к экзаменам и вместе ходили отмечать свои пятерки в «Космос» или в «Огни Москвы». Ты что, забыла это?

– Нет, я помню.

Настя стряхнула длинный столбик пепла в блюдечко, сняв с него предварительно чашку с осевшими на дне остатками кофейной гущи. Разговор становился тягостным и неприятным, но избежать его было нельзя, она понимала это еще тогда, когда принимала решение ехать в Совинцентр, чтобы самой побеседовать с сотрудниками протокольного отдела.

Она смотрела на Ирину и удивлялась сама себе. Оказывается, она совсем не помнила эту женщину. Или, может быть, она просто плохо ее знала? Во всяком случае, сейчас перед ней сидел совсем не тот человек, которого она ожидала увидеть, опираясь на воспоминания двенадцатилетней давности. Ирина поступила на юрфак, будучи на седьмом месяце беременности. До последнего дня ходила на занятия, в роддом ее увезли прямо из лекционного зала. Академический отпуск не брала, зимнюю сессию сдавала вместе со всеми и, к всеобщему удивлению, получила только отличные отметки. Причем очевидцы, присутствовавшие в аудитории, когда Ирина отвечала свой билет, клялись, что отвечала она действительно блестяще и пятерки ей ставили заслуженно, а не из сочувствия к кормящей матери. Все пять лет Ирине Королевой удавалось сочетать отличную учебу с воспитанием ребенка, хотя никто не знал, как ей это удастся и чего ей это стоит. Говорили, что у нее какой-то необыкновенный муж, который зарабатывает столько, что может платить кухарке, домработнице и няньке, освобождая любимую супругу от забот по хозяйству и давая ей возможность овладевать юридическими знаниями. Другие говорили, что все это так, только платит за все не муж, а высокопоставленный отец. Третьи утверждали, что все намного проще: Ира подбросила ребенка своей матери, как делают многие рано рожаящие девицы, и посвятила себя учебе, а что касается стирки, уборки, готовки и ухода за мужем, что также требует времени и сил, то никакого мужа у нее вовсе и нет. Как было на самом деле, Настя не знала, потому что ее это не особенно интересовало. Она никогда не спрашивала Ирину ни о муже, ни о сыне, они говорили в основном об изучаемых дисциплинах, об однокурсниках и преподавателях, о книгах и фильмах. Между ними не было настоящей дружбы, они не были близки, но всегда радовались обществу друг друга.

И вот сейчас Настя смотрела на Ирину Королеву и понимала, что совсем не знает ее. Что должно было произойти с ней, чтобы после пяти лет каторжного труда, когда приходилось разрываться между учебой и семьей, пустить все коту под хвост и не заниматься юриспруденцией? Ради чего были все эти жертвы? Или не было никаких жертв? Но как же их могло не быть, если, судя по официальным документам, Ирина замужем с 1975 года, а в 1977 году у нее родился сын. И если верить тем же самым документам, и муж, и родители у нее были самыми

обыкновенными, ни о каких сверхдоходах и речи идти не могло, поэтому и не было ни кухарок, ни нянек, ни горничных. Тогда выходило, что Ирина должна была обладать не только блестящими способностями, но и усидчивостью, работоспособностью, целеустремленностью. Что же случилось потом? Почему спустя двенадцать с половиной лет она занимает высокооплачиваемую, но до оскомины скучную должность консультанта в протокольном отделе, для которой не нужно не только юридическое, но и вообще высшее образование.

– Видишь ли, Ира, я – профессионал, и я не имею права смешивать работу со своими эмоциями. Если бы на твоем месте была Науменко, я бы подозревала в первую очередь ее. Тот факт, что мы с тобой знакомы, никакой роли не играет. Мне неприятно тебе это говорить, но я, видимо, должна это сделать, чтобы между нами не возникло недоразумений. Подозрения в твой адрес достаточно сильны, но они не менее сильны и в адрес Светланы, и в адрес Шульгина, а завтра появится еще сотня человек, которых найдется за что подозревать. Идет нормальная работа, которая называется проверкой версий. И ты не должна видеть в этом ничего оскорбительного для себя. Другое дело, что тебе кажется, будто я, хорошо зная тебя еще с университетских времен, должна быть уверена в твоей невинности, и ты обижаешься, что на основании одного лишь факта нашей совместной учебы я не вычеркиваю тебя из списка подозреваемых. Мне жаль, что тебя это обижает. Но нам с тобой придется с этим примириться. Ситуация такова, какова она есть, и изменить ее я не могу.

– Можешь, но не хочешь, – уточнила Ирина, по-прежнему стоя у стены и не подходя к столу.

– Не считаю нужным. Я, Ирочка, давно уже не живу сегодняшним днем. Уверяю тебя, мне было бы намного проще кинуться к тебе в объятия и сказать, что я знаю тебя сто лет и абсолютно убеждена в твоей невинности. Я была бы хорошей в твоих глазах, и мы бы сейчас не стояли, как непримиримые враги перед дуэлью, а сидели бы рядышком, держались за руки и захлеб обсуждали бы, кто же это убил нашего Юрия Ефимовича. И если, упаси бог, мне в голову стали бы закрадываться подозрения насчет тебя, у меня были бы связаны руки. Я не смогла бы задать тебе ни одного вопроса, потому что постоянно наталкивалась бы на твой недоуменный и обиженный взгляд: «Ты что, меня подозреваешь? Ты мне не веришь?» И как бы я сказала тебе, что не верю, что подозреваю? Мне что же, служебной карьерой жертвовать, только чтобы не испортить отношения с тобой? Сегодня мне было бы лучше и проще, а завтра я бы волосы на себе рвала. Поэтому я и не хочу менять ситуацию. Пусть она

останется такой, как есть на сегодняшний день. Да, мне сегодня тяжело с тобой разговаривать, ты настроена враждебно, ты обижаешься на меня, но я это как-нибудь переживу. Зато потом, если я буду на двести процентов уверена в твоей невинности, я буду точно знать, что этому есть объективные причины, а не мое слепое доверие к человеку, которого я когда-то, я подчеркиваю, когда-то давно знала.

В кухне повисло недоброе молчание. Настя закурила еще одну сигарету, сделала несколько затяжек.

– Мы можем изменить ситуацию только в одну сторону. Если тебе неприятно общаться со мной, я сейчас уйду, и ты меня больше не увидишь. С тобой будет работать другой сотрудник. Но для тебя это в принципе мало что изменит, потому что подозревать тебя я все равно буду. Так как, Ира? Будем работать или будем эмоции жевать?

Ирина медленно отошла от стены и села на табуретку возле стола.

– Я сделаю еще кофе, – сказала она, не глядя на Настю, и стала засыпать в стоящую на столе кофеварку смолотый кофе. – Ты можешь задавать свои вопросы.

– Может, улыбнешься для приличия? – пошутила Настя, стараясь сгладить возникшую неловкость.

– Нет уж. Отвечать буду добросовестно, это я тебе обещаю, а с улыбками не получится.

– Обиделась?

– А как ты думаешь? – Ирина подняла голову и вызывающе посмотрела на Настю. – А ты бы не обиделась на моем месте?

– Наверное, обиделась бы, – призналась Настя. – Ладно, так и останемся. Я – со своими подозрениями, ты – со своей обидой. Нам нужно будет научиться жить с этим. Тогда начнем. Почему Тарасов пришел в тот день на работу так рано?

- Не знаю.

- Он ничего не говорил в пятницу о том, что в понедельник с утра у него назначена какая-то встреча?

- Нет, не говорил.

- Может быть, он должен был ждать чьего-то звонка в понедельник утром?

- Мне об этом не известно.

- С кем из работников Совинцентра Тарасов общался в те четыре дня, что он проработал в вашем отделе?

- Мне трудно сказать. Сюда к нему никто не заходил, а с кем он общался, когда выходил из офиса, я не знаю.

- А он часто выходил из офиса?

- Довольно часто...

2

Светлана Науменко держалась далеко не так хладнокровно, как Ирина Королева. Она сильно нервничала, то и дело начиная плакать, пила сердечные капли и сморкалась.

Настя задавала ей те же вопросы, что и Ирине: с кем общался Юрий Ефимович Тарасов, что рассказывал о себе и о своих знакомых, кому звонил, почему в тот роковой для него день пришел на работу раньше обычного.

- Может быть, он хотел стены помыть, - предположила Светлана.

- Что он хотел?! - Настя решила, что ослышалась.

– Ну, понимаете, Юрий Ефимович считал, что стены у нас грязные и их нужно помыть. Уборщица этого не делает, но она и не обязана. Игорь Сергеевич категорически запретил ему заниматься уборкой в рабочее время, сюда же люди ходят, а Юрий Ефимович считал, что стены надо помыть обязательно. Вот, может быть...

Науменко всхлипнула и снова потянулась за носовым платком.

– А что, Игорь Сергеевич очень сердился на Тарасова за попытки убраться в помещении отдела?

– Очень. Вы даже не представляете, как он сердился. Правда, вслух он ничего не говорил, Юрию Ефимовичу не выговаривал, но все равно было заметно. Знаете, Шульгин – он такой добродушный, даже немножко легкомысленный, выпить любит, пошутить, посмеяться. А после того, как Юрий Ефимович у него в столе прибрался, Игоря как подменили. Злой ходит, с нами не разговаривает, даже вроде с лица сбледнул.

– Не знаете почему? Не догадываетесь?

– Кому ж приятно, когда у тебя из стола столько гадости вытаскивают и на всеобщее обозрение выставляют.

– А Шульгин не пытался объясниться с Тарасовым, сказать ему, что залезать в чужой стол, а тем более в отсутствие хозяина, неприлично?

– Не знаю, – Светлана шмыгнула носом. – Я не слышала ничего такого.

– А вы, Светлана? Он же в вашем столе тоже порядок наводил. Вы не сделали ему замечание?

– Нет. Он же начальник все-таки.

– Ну и что? Раз начальник, значит, хамить можно?

– Я не знаю...

Науменко разрыдалась.

- Он... Он говорил, что сокращение скоро... На тридцать процентов... Всех...

«Все понятно, – подумала Настя. – Стоя на пороге тридцатипроцентного сокращения, она, конечно же, не рискнула делать замечание новому начальнику. Логика примитивная, но железная. Если собираются сокращать третью часть рабочих мест, и в это же самое время на вакантное место заместителя начальника отдела назначают нового сотрудника, вместо того чтобы сократить эту совершенно никчемную должность, то вновь назначенный, очевидно, важная персона или особа, приближенная к императору, то бишь к гендиректору. Попробуй сделай ему замечание – завтра же без места и останешься».

- А Ирина? Как она восприняла тот факт, что Тарасов рылся в ее столе?

- Злилась, конечно. Даже сказала ему дерзость, но он, наверное, не понял.

- И что же она ему сказала?

- Что-то вроде того, что, мол, кто не знает про тампексы, тому и в женских вещах рыться не страшно. Я думала, он покраснеет, а он даже ухом не повел, будто и не слышал.

- А что, Ирина сокращения не боится?

- Боится, почему же.

- Как же она осмелилась дерзить Тарасову?

- Понимаете, у нас в отделе раньше было по штату два начальника и пять консультантов. Когда Ира пришла сюда, три места консультантов были заняты, ей отдали четвертое и попросили по возможности работать за пятого. Она согласилась, тем более что ее обещали материально поощрять за совмещение участков. Никаких денег ей, конечно, не дали, а когда было сокращение, пятое место консультанта просто сократили, вменив Ире в обязанность выполнять его функции, за ту же самую зарплату, между прочим. Ну, Ирина у нас работы не боится, у нее в руках все горит. Потом один наш сотрудник погиб, попал под

машину, Ирка его участок взяла, за это ей категорию повысили. Потом было еще одно сокращение, должность этого погибшего сотрудника у нас отобрали и еще алкаша одного выкинули, вместе с местом, естественно. А Ирке сказали: «Раз вы теперь консультант второй категории, вы должны работать больше. Будьте-ка любезны, возьмите себе и этот участок». Так и получилось, что Ира работает на четырех участках, а я только кофе подаю да флажки с цветочками расставляю. Уж с этим-то она точно справится. Поэтому ее сокращать нельзя, ей замены нет. Вместо нее придется четырех человек брать, а куда? Должностей-то нет, посокращали все.

– Понятно. Все-таки давайте вернемся к Шульгину. Как вы думаете, почему он спустил с рук своему новому заместителю такую выходку, как обнародование содержимого его письменного стола?

– Да потому же, почему и я промолчала. Сокращения боится. Кому нужны два руководителя для двух подчиненных? Курам на смех. Ясно же, что одного будут сокращать. И ясно, что не того, кого только что назначили.

– Но если это совершенно ясно, то Шульгину терять было нечего, – заметила Настя. – Его сократят в любом случае. Так почему бы не отвести душу и не сказать во всеуслышанье хаму, что он – хам.

– Ой, нет, не скажите, – Светлана всплеснула руками. – Для него очень важно остаться на работе здесь, в Совинцентре. Здесь оклады огромные и часть начислений идет в валюте. Пусть не в нашем отделе, но ему обязательно надо здесь остаться. А Юрий Ефимович – человек гендиректора, это все знали, с ним ссориться нельзя.

«Значит, Тарасов – человек гендиректора. Это уже интересно. К нему я, конечно, не пойду, рылом не вышла. К гендиректору пойдет Юра Коротков».

– Припомните, пожалуйста, все, что Тарасов рассказывал о себе, о своей семье, – попросила Настя.

– Да он ничего особенного и не рассказывал. Когда учил нас, как за цветами ухаживать, обмолвился, что разводит розы на даче. Еще говорил, что у него три овчарки дома живут, только я не поняла, в городской квартире или на даче. Дети, говорил, выросли, живут отдельно, а он – с женой вдвоем. Про внуков

ничего не рассказывал, я, во всяком случае, не помню. Может, их и нет еще.

– А про свою прежнюю работу? Чем раньше занимался, почему решил ее сменить?

– Нет, про это почти ничего не говорил. Упомянул, что работал в Управлении делами Министерства среднего машиностроения. А про то, почему решил сменить место службы, нам и в голову не приходило спрашивать. Здесь платят много... Знаете, – оживилась вдруг Науменко, – был один забавный момент. Когда он свои вещи в стол выкладывал, я заметила такую стеклянную штукуну, не то болванка, не то палка, толстая такая и короткая. Я спросила, что это такое, а он мне ответил, что эта штука весит ровно семьсот пятьдесят шесть граммов, потому что это самый оптимальный вес пресса для приклеивания фотографий на пропуска. Средмаш – закрытая система, там все только с пропусками ходят. Если пресс слишком тяжелый, из-под фотокарточки выдавливается клей, а если слишком легкий – она плохо приклеивается и начинает бугриться.

– Что начинает делать? – переспросила ошеломленная Настя.

– Ну, это он так сказал – бугриться. В смысле, буграми идет. А чтобы пропуск выглядел достойно, вес пресса должен быть ровно семьсот пятьдесят шесть граммов. Якобы эту болванку с таким точным весом для него специально отливали.

– Бред какой-то, – пожала плечами Настя.

– Не знаю, – покачала головой Светлана. – Это его слова, я ничего не выдумала. Ира может подтвердить, она тоже это слышала.

3

Игорь Сергеевич Шульгин разговаривал с Настей неохотно. Был уже конец рабочего дня, он, видно, успел где-то приложиться к рюмке, и напускная бравада явно боролась в нем с нежеланием разговаривать с работником

уголовного розыска, чтобы не обнаружить присутствие алкоголя.

- Игорь Сергеевич, это правда, что вам предстоит сокращение почти на треть?

- Не знаю. Я не обращаю внимания на слухи и сплетни.

- Но вы слышали такие разговоры?

- Я не прислушиваюсь к тому, что болтают бездельники.

Настя внимательно посмотрела на Шульгина. Рослый, начавший полнеть и лысеть, он все еще сохранял определенную привлекательность, хотя было понятно, что еще чуть-чуть – и он превратится в обрюзгшего облезлого павиана, у которого за плечами активное алкогольно-сексуальное прошлое, а впереди – тусклая и длинная старость с болезнями печени и простаты. Может быть, он бесится оттого, что предчувствует это?

- Игорь Сергеевич, с вами советовались, назначая нового заместителя?

- Непременно. Я никогда не позволял назначать моих подчиненных без моего ведома.

«Ах ты боже мой, какие мы гордые. Заместитель, между прочим, подчиняется не тебе, а вышестоящему начальнику. Это вышестоящий начальник решает, кто годится, чтобы замещать тебя, когда тебя нет, а кто не годится».

- И вы предварительно изучали кандидатуру Тарасова?

Быстрый взгляд в сторону, судорожное подергивание щеки, но все это так мимолетно, так быстро, словно бы просто почудилось.

- Да, я смотрел его документы.

Ответ Шульгина на этот раз прозвучал не так уверенно.

– Игорь Сергеевич, постарайтесь вспомнить, что в его характеристике убедило вас в том, что Тарасов годится на должность вашего заместителя. Почему вы согласились с его кандидатурой?

– Ну, я сейчас уже не припомню.

– Но ведь это было недавно, Игорь Сергеевич. Королева и Науменко работают у вас несколько лет, в последние годы вы никого не брали на работу, Королева была последней, а потом вы только сокращали должности и людей. Вы просто не можете не помнить, что было написано в характеристике человека, которого вам назначили заместителем. Это же единственное новое назначение в ваш отдел за пять лет.

– Я же сказал, не помню.

В голосе Шульгина явственно послышалось раздражение, которое он тут же постарался притушить.

– Хорошо, пойдем дальше, – легко согласилась Настя. – Как вы отреагировали, когда увидели, что Тарасов разбирает вещи из вашего стола?

– А как я должен был отреагировать? – ответил он вопросом на вопрос.

– Ну, не знаю, – рассмеялась Настя. – Все в такой ситуации ведут себя по-разному. Одни возмущаются и скандалят, другие благодарят за наведенный наконец-то порядок, третьи вообще не обращают на это внимания, вроде так и должно быть. Некоторые хохочут, некоторые выходят из себя от негодования. Вы-то что сделали?

– Какое это имеет отношение к убийству Тарасова? – резко спросил Шульгин. – Вы же не думаете, что это я его убил за то, что он рылся в моем столе?

– А почему нет? – невинно осведомилась Настя, которой уже изрядно надоел этот Игорь Сергеевич с его показной уверенностью в себе и плохо скрываемым паническим ужасом перед перспективой вылететь из совинцентровской кормушки. Мало того, что его заместителя убили прямо в офисе, так еще эта девка из милиции носом крутит, поди, выхлоп учуяла. А ну как скажет кому-

нибудь...

– Почему я не могу так думать? – продолжала она, словно не обращая внимания на бьющую через край ненависть, которая изливалась прямо из глаз Шульгина. – Что противоестественного вы видите в этой мысли?

– Вы... вы... Как вы смеете?!

– А почему нет? – повторила она устало. – Я в равной мере допускаю, что Тарасова могла задушить и Королева, и Науменко, и вы, и кто угодно другой. Поймите же, Игорь Сергеевич, мы знаем об убитом так мало, что не можем с уверенностью вычеркнуть ни вас, ни кого бы то ни было. Если вы знаете о нем больше, чем я, так помогите же мне, поделитесь своими знаниями. Может быть, это поможет снять подозрения и с вас, и с ваших сотрудниц. А пока вы огрызаетесь и всем своим видом показываете, как я вам не нравлюсь, ситуация к лучшему не изменится, в этом я могу вас заверить.

– Вы не имеет права так со мной разговаривать, – вспыхнул Шульгин. – Кто вы такая, чтобы меня подозревать? Я старше вас на двадцать лет, вы просто сопливая девчонка, а явились сюда права качать. Вы должны убийцу ловить, а вы готовы следом за Тарасовым рыться в чужом грязном белье и в чужих бумагах, даже если они личные. Я не желаю больше с вами разговаривать. Я буду давать показания только вашему начальнику, надеюсь, он, в отличие от вас, человек приличный и достойный.

– Вынуждена вас разочаровать, Игорь Сергеевич, с моим начальником вы вряд ли договоритесь. У него характер очень тяжелый, я по сравнению с ним просто бабочка, такая же невесомая и безвредная. И еще одно. Не надо преувеличивать возрастную разницу между нами, я гораздо старше, чем вы думаете.

Настя методично собрала со стола листки с записями, сигареты, зажигалку, сложила все это аккуратно в свою необъятную спортивную сумку и встала.

– Не буду больше отнимать у вас время, Игорь Сергеевич. Завтра вам позвонит мой начальник, с которым вы так мечтаете встретиться, и назначит вам время, когда вы должны будете явиться к нему на Петровку. Там вам понравится гораздо меньше, чем здесь, на привычной вам уютной кухне, где вы на своей территории и можете вести себя так, как вам хочется. Да, кстати, не хочу

наносить вам удар в спину, поэтому предупреждаю заранее: завтра мой начальник полковник Гордеев обязательно спросит вас, почему ваши показания не оформлены протоколом. И что вы ему ответите?

– А что я должен ему отвечать? – окрысился Шульгин. – Откуда я знаю, почему вы не записали мои показания в протокол? Чего вы меня запугиваете?

– Ну правильно, – вздохнула она. – Вы не знаете. Тогда он вызовет меня и спросит об этом. И мне придется ему сказать, что вы были на момент беседы со мной в нетрезвом состоянии, а у лиц, находящихся в нетрезвом состоянии, показания брать нельзя. Как события будут развиваться дальше, я не знаю. Следователь может, например, направить вашему гендиректору бумагу о том, что ответственные работники Совинцентра пьют во время работы и даже в такой серьезной ситуации, как расследование убийства, считают возможным являться на беседу к работникам милиции в пьяном виде. А уж о том, что у них в столах хранится, разговор пойдет отдельно. Я с вашего позволения выкурю еще одну сигарету, а потом вы скажете мне, будете ли вы разговаривать со мной или пойдете завтра на Петровку к полковнику Гордееву.

– Как вы можете утверждать, что я пьян? – упорно возмущался Шульгин. – Вы этого не докажете.

– Докажу, – спокойно сказала она, закуривая и пряча зажигалку обратно в сумку. – В вашем учреждении есть медчасть, я приглашу врача, подписанная им справка будет иметь достаточную силу в глазах следователя. А сказанного им слова будет достаточно, чтобы поставить крест на вашей карьере в этом валютном раю. Одно дело – пить втихую, в уголке и при этом не терять лица. И совсем другое дело – не суметь совладать с соблазном, зная, что с тобой будет разговаривать работник уголовного розыска или следователь. Вы не умеете держать себя в руках и постепенно деградируете, и тот факт, что для определения вашего состояния работник милиции вызвал врача, свидетельствует об этом более чем красноречиво. Две минуты, Игорь Сергеевич, еще две минуты, и я уйду. Если, конечно, вы не передумаете.

Через две минуты Анастасия Каменская обернула вокруг шеи длинный теплый шарф, наглухо застегнула куртку и пошла по длинному извилистому коридору к лифту. Игорь Сергеевич Шульгин не произнес больше ни слова.

После семи вечера в управлении уголовного розыска народу было ничуть не меньше, чем днем. Никто не удивился тому, что в начале восьмого на работе появилась Каменская, это было в порядке вещей. Не заходя к себе, она толкнула дверь комнаты, которую занимали Юра Коротков и Коля Селуянов. Оба они сидели за своими столами и как по команде подняли на нее вопрошающие глаза.

- Ну как? Получилось? - спросили они чуть ли не хором.

- Будем надеяться.

Она не раздеваясь уселась на свободный стул и полезла за сигаретами.

- Никогда не думала, что это так трудно. Полдня строила из себя злую тетку Настасью, а все для того, чтобы завтра пришли хорошие мальчики Юрочка и Коленька и весь протокольный отдел кинулся к ним в объятия, утопая в слезах и соплях. Ну и сценарий вы мне подсунули!

На самом деле старая как мир схема «злой следователь - добрый следователь» была использована сегодня с несколько иной целью. Настя не ставила перед собой задачу собирать информацию. Ей сегодня нужно было своими глазами посмотреть на трех главных подозреваемых, составить представление об их характере и стиле мышления. А уж потом прикладывать к ним всю ту информацию, которую соберут для нее Коротков и Селуянов. И уж конечно, собирать эту информацию они будут не при помощи длительных душещипательных бесед с тремя главными фигурантами. У ребят для этого есть свои способы, приемы и источники сведений.

Итак, Ирина Королева. Умная, хладнокровная, расчетливая. Следит за каждым словом, случайных проговорок не допускает. Почему-то занимается скучным и неперспективным делом, хотя имеет хорошее образование и прекрасные способности. Имела все возможности убить Тарасова. Судя по заключению врача, смерть его наступила не позже восьми сорока пяти, а через двадцать минут, если верить Королевой, она обнаружила труп на кухне. Если преступница - она, то могла ли она по складу своего характера просидеть двадцать минут в одном помещении с покойником и только потом звонить в охрану? Хватило бы у

нее выдержки? Несомненно. Может ли кто-нибудь подтвердить, что она вошла в здание Совинцентра в восемь пятьдесят, как она утверждает, а не раньше на десять-пятнадцать минут? Нет, никто этого подтвердить не может.

Светлана Науменко. Сорокалетняя увядающая красотка, озабоченная семейными неурядицами и перспективой потерять место. Нервы расшатаны, то и дело начинает плакать, руки дрожат. В тот день она пришла на работу в девять тридцать, в это время в протокольном отделе, кроме Королевой, были сотрудники управления охраны. Кто поручится, что она не приходила сюда часом раньше? Муж с ней не живет, дочь отправилась в школу в половине восьмого и не знает, в котором часу мама ушла на работу, без четверти восемь или без четверти девять. Науменко безумно боится сокращения, у нее, в отличие от Королевой, образования никакого нет, и, если ее выгонят из Совинцентра, она такой денежной работы уже никогда не найдет. Чтобы зарабатывать деньги без образования и смекалки, женщина должна быть молодой и длинноногой, тогда еще можно рассчитывать на место секретарши в какой-нибудь фирме. Если смерть Тарасова могла уберечь Светлану от неминуемого сокращения, то очень может быть, что она постаралась эту смерть ускорить. Зачем сокращать живых людей, когда можно просто убрать вакансию...

Наконец, Шульгин Игорь Сергеевич. Негибкий, упрямый. Соображает медленно. На компромисс не идет, но не из принципа, а из тупого упрямства и идиотской самовлюбленности. Пойти на компромисс для него означает отступить, признать свою неправоту, а такие люди неправоту свою не признают никогда и ни при каких условиях. Настя сегодня проверила его, сначала чуть-чуть напугала, потом предложила выход, а он им не воспользовался. Не умеет варианты просчитывать, надеется, что главное – устоять сегодня, а завтра все само собой как-нибудь устроится. Сегодня для него главным было не уступить сопливой девчонке, показать ей свое превосходство, а о том, что завтра его сломает и в порошок сотрет неведомый полковник Гордеев (о чем сопливая девчонка его честно предупредила), он и думать не хочет. До завтра еще дожить надо. Типичная психология убийцы. Сегодня я убрал того, кто мне мешает, а то, что завтра меня за это могут поймать и наказать, так до завтра еще дожить надо...

И последний. Юрий Ефимович Тарасов. Все объяснения его нелепого поведения сразу разбиваем на две основные группы. Группа первая: объяснения, исходящие из того, что он – не особенно умный и к тому же дурно воспитанный человек. Группа вторая: объяснения, исходящие из того, что он вовсе не вел себя таким странным образом. Он был совершенно нормальным, совершенно

обычным человеком, а все, что про него рассказывают, – ложь. Трое его сотрудников дружно говорят неправду, потому что кто-то из них его убил, и это оказалось выгодным всем. Может быть, имел место предварительный сговор. Может быть, убийство произошло спонтанно, но потом было решено помочь убийце и уберечь его от ответственности. Может быть, в протокольном отделе Совинцентра творились какие-то крупные махинации, и непосредственный Юрий Ефимович не только обнаружил их, но еще и заявил громогласно о своей находке. Но если коллеги Тарасова говорят неправду, то почему именно такую неправду? Почему бы не начать рассказывать, каким чудесным, каким прекрасным человеком был Юрий Ефимович, и врагов-то у него не было, и слова худого о нем никто не сказал бы, и вообще они все дружно скорбят и рвут на себе волосы. Путь вполне традиционный, так делают многие. Но сотрудники протокольного отдела почему-то начали поливать грязью покойного, причем таким хитрым способом, при котором у каждого из них появился повод к убийству. Если кто-то из них (или все трое) замешан в убийстве, то такой ход, строго говоря, более изыскан, но и более правилен. Разделить подозрения между всеми – это гораздо эффективнее, чем отводить их. Интересно, кто же это среди них такой умный? Уж не Ирина ли?

Глава 3

1

Мартовское солнце было ослепительно ярким, и, глядя на небо из окна второго этажа, можно было легко представить, что наступил разгар лета. Правда, если подойти к окну поближе и посмотреть не вверх, а вниз, то иллюзия моментально рассеивалась: серость и грязь на тротуарах быстро возвращала романтического мечтателя на грешную землю.

Виталий Николаевич Кабанов, больше известный в определенных кругах под прозвищем Паровоз, стоял у окна и смотрел вниз. Он никогда не занимался самообманом, предпочитая видеть правду, пусть и не всегда приятную. По-видимому, именно эта черта характера позволяла ему на протяжении всей жизни успешно доводить до конца любое начатое им дело. Малейший сигнал о

неблагополучии моментально становился поводом для размышлений, а то и решений, причем зачастую радикальных, и это предохраняло Кабанова от неприятностей намного эффективнее, чем связи, дружба, блат и деньги. «Корабль не может дать течь ни с того ни с сего, – любил он говорить. – Либо ты доверился тому, кто его строил, и не заметил, что это невежда и халтурщик, хотя мог и должен быть заметить, либо ты ленился проверять техническое состояние, либо не предусмотрел грозящую опасность. В любом случае виноват только ты сам». До сегодняшнего дня корабли Кабанова течи не давали.

Организаторские способности Виталия Николаевича проявились, еще когда он был школьником. В пятом классе, когда ребят приняли в пионеры, его выбрали звеньевым. К концу учебного года все десять пионеров его звена принесли домой табели, сплошь усеянные пятерками, среди которых изредка мелькали четверки. Родители радовались, учителя удивлялись, одноклассники завистливо хмыкали. Сам Виталик Кабанов из своих методов секрета не делал, с удовольствием объясняя всем, что если человек умеет что-то делать хорошо, то от этого должна быть польза не только ему одному. Один из пионеров его звена обладал врожденной грамотностью и никогда не делал орфографических ошибок, и ему Виталик поручил заниматься со всеми русским языком. У другого мама работала переводчицей и периодически объясняла ребятам все то, что они плохо усвоили на уроках немецкого. У третьего дедушка оказался профессором-историком и с удовольствием рассказывал ребятам о Древнем Египте, фараоне Тутанхамоне и завоеваниях Римской империи. Короче говоря, энергичный звеньевой «пристроил» к делу всех своих пионеров и их семьи.

К восьмому классу, когда пришла пора вступать в комсомол, десятка Кабанова стала притчей во языцех у всей школы, а за Виталиком тогда впервые потянулась слава «паровоза, который вытянет за собой любой состав». В институте активного комсомольца Кабанова ставили на самые разваленные участки общественной работы. Он вкладывал свой организаторский талант в порученное дело, и, когда налаженный механизм начинал бесперебойно работать, ему поручали что-нибудь еще. В таком «аварийном» режиме он просуществовал до сорока восьми лет, пока не оставил государственную службу и не занялся собственным бизнесом. К этому времени он заслужил прочную репутацию жестокого, крутого на расправу руководителя, но все равно оставался все тем же Паровозом, прицепившись к которому можно было вылезти из самой гиблой ситуации.

Сегодня Виталию Николаевичу исполнилось пятьдесят пять лет, и именно сегодня он вдруг подумал о том, что не так уж хорошо разбирается в людях, как считали и он сам, и те, кто его знал.

– Ты слышал вчера сообщение по телевизору, в криминальных новостях? – спросил он, не оборачиваясь.

– Слышал, – ответил маленький худощавый человек с большими темными глазами и кустистыми бровями, неподвижно сидящий в кресле возле двери. Свободная легкая куртка полностью скрывала и пистолет в плечевой кобуре, и налитую железную мускулатуру.

– И что ты думаешь, Гена? Это то, что нам было обещано?

– Очень похоже. Сказали, что это уже четвертый труп, найденный в области, и все с одинаковыми ранениями. Смерть от выстрела в затылок, как нас и предупреждали.

– И примерно раз в неделю, – добавил Кабанов. – Любопытно. Весьма любопытно. Пойди-ка посмотри, как там наш вольный стрелок поживает.

Худощавый Гена легко поднялся и бесшумно вышел из кабинета. Вернулся он через несколько минут.

– Полное спокойствие, Виталий Николаевич, – доложил он. – Улыбается, сияет, как будто ничего не случилось.

– И никаких признаков нервного напряжения? Расстройства?

– Ни малейших.

– Весьма любопытно, – задумчиво повторил Кабанов. – Похоже, это как раз то, что нам нужно. Может быть, прекратить это дурацкое соревнование? По-моему, все и так достаточно очевидно. Как ты считаешь?

– Вам виднее, Виталий Николаевич, – сдержанно ответил Гена. – Но я бы не стал торопиться. Как-то очень необычно все это, похоже на больную психику.

– Человек с больной психикой не способен к планомерным действиям, – возразил Кабанов. – Он, вполне вероятно, не будет рвать на себе волосы оттого, что убивает людей, но он и не сможет убивать их систематически, раз в неделю.

– Ну, не скажите. Сумасшедшие способны на все. В любом случае я бы еще подождал.

– И сколько же ты предлагаешь ждать?

– Хотя бы месяц.

– Месяц? Ты хочешь сказать, что четырех трупов тебе мало? Тебе нужно восемь? Что-то ты стал кровожадным, Геннадий, – недовольно поморщился Кабанов.

– Но мы не можем рисковать, – твердо сказал Гена. – Мы должны быть уверены в том, что этот снайпер не ошибается и не дает нервных срывов. Кроме того, мы должны быть уверены, что преступления не будут раскрыты и следы не приведут к нам. Только тогда мы сможем на него полагаться.

– Что ж, может быть, ты и прав. Подождем еще. Сколько человек собираются прийти сегодня вечером?

– Вы лично пригласили восемнадцать, – доложил Гена, достав из кармана маленький блокнот и быстро пролистав его. – И еще семеро выразили желание поздравить вас, если у юбиляра не будет возражений.

– Итого двадцать пять, – кивнул Кабанов. – И у каждого как минимум по пять человек сопровождения и охраны. Ты подумал о том, где их разместить и кормить?

– Я предлагаю в банкетном зале накрыть два стола. Один – для вас и ваших гостей, другой, тоже на двадцать пять персон, для охраны. Каждый гость будет иметь в зале по одному человеку для охраны и личных поручений. Находящийся рядом общий зал можно полностью отдать остальным сопровождающим. Я уже говорил с администратором, он просил не позже трех часов сообщить, нужно ли будет закрывать общий зал для посетителей.

– Сколько человек поместится в этом зале?

– Все сто как раз поместятся. Там тридцать столиков, по четыре человека за каждым.

– Хорошо, Гена, я на тебя полагаюсь. Никаких эксцессов быть не должно, ты это понимаешь?

– Конечно, Виталий Николаевич.

– И вот еще что, Гена...

Кабанов наконец отвернулся от окна и, тяжело вздохнув, уселся за стол. Избыточный вес давно уже сделал его тело грузным, а движения – медленными и неловкими, но светлые внимательные глаза смотрели по-прежнему открыто и цепко. Кабанов никогда не скрывал своего недоверия к кому бы то ни было, полагая, что лучше ошибаться в приятную для себя сторону, нежели дать себя обмануть.

– Подними-ка наши связи в областном управлении внутренних дел. Я хочу знать об этих трупах все. Я хочу быть уверен, что все эти люди убиты из одного пистолета. Ведь вполне может оказаться, что все это просто совпадение. Один из них может оказаться нашим, а все остальные – случайность. Понял меня?

– Да, Виталий Николаевич.

– Иди, Гена. И скажи Эле, чтобы ни с кем меня не соединяла до четырех часов. Я хочу подумать.

2

В кабинет к своему начальнику Дмитрий Платонов вошел, не предчувствуя ничего плохого. Может быть, потому, что с утра мысленно прощался с Юрием Ефимовичем Тарасовым. Идти на похороны Дмитрий побоялся, так как знал, что среди провожающих в последний путь будет много оперативников.

Обнародовать свою связь с Тарасовым он не хотел, правда, скорее по привычке, нежели по необходимости. Скрывать их тесное сотрудничество имело смысл, пока Юрий Ефимович был жив, а теперь, после его смерти, эта тайна мало кому была интересна.

Настроение у Платонова было мрачное, и на вызов начальника он отреагировал мгновенно возникшим желанием послать его куда подальше. Полковник Мукиенко работал в Управлении по борьбе с организованной преступностью всего около трех месяцев, своих подчиненных знал плохо, и общение с ним удовольствия сыщикам не доставляло.

Полковник начал с места в карьер, как обычно, забывая поздороваться.

- Дмитрий Николаевич, вам что-нибудь говорит фамилия Сыпко?

- Так точно, товарищ полковник. Примерно восемь месяцев назад я получил написанное им письмо, в котором Сыпко вскрывал махинации на заводе в Уральске-18, - не раздумывая, доложил Платонов. В вопросе он не видел ничего опасного.

- Что вы сделали по проверке этого сигнала?

- Все, что нужно, товарищ полковник. - Платонов упорно избегал называть Мукиенко по имени-отчеству, боясь не совладать с собственным языком. Одно время он пробовал потренироваться, чтобы без запинки произносить «Артур Эльдарович», но быстро оставил сие пустое занятие. Коварная буква «р» каталась по языку и зубам в произвольно выбранном направлении, упорно не желая становиться на положенное ей место.

- Следует ли ваши слова понимать так, что по материалам проведенной вами проверки уже возбуждено уголовное дело?

- Нет, дело еще не возбуждено.

- Почему? В чем задержка?

Платонов удивленно посмотрел на начальника. Опытный работник, много лет проработавший в системе МВД, мог бы и сам догадаться, в чем бывает задержка, когда расследуешь дела о хищениях и злоупотреблениях. В доказательствах. В этих делах всегда задержка из-за того, что очень трудно собирать доказательства.

– Товарищ полковник, идет сбор информации, документирование преступной деятельности, выявляются связи. Вы же прекрасно знаете, как это непросто.

– Знаю, Платонов, знаю. Но я знаю и другое. На протяжении восьми месяцев вы ничего не сделали по поступившему сигналу. Более того, вы умело прикрывали махинации, творящиеся в Уральске-18. И даже взяли за это взятку.

У Платонова перехватило дыхание. Вот, значит, в чем дело. Да-а, давненько судьба не баловала сюрпризами, расслабился, решил, что теперь уж до пенсии спокойно доработает. Ан нет, не вышло.

– Я не понял, товарищ полковник, о чем вы говорите.

– О том, Дмитрий Николаевич, что фирма «Артэкс» перевела на один банковский счет солидную сумму в валюте. И сразу же после этого самоликвидировалась. Знаете, на чей счет переведены деньги?

– Нет, не знаю. На чей?

– Точно не знаете? Подумайте, Дмитрий Николаевич, может быть, вам лучше самому вспомнить, не дожидаясь, пока я уличу вас во лжи.

– Я не знаю, о чем вы говорите, товарищ полковник.

– Но о фирме «Артэкс» вы слышали?

– Разумеется. Через нее завод в Уральске-18 продавал списанные приборы, содержащие драгметаллы. Я вышел на эту фирму, проверяя заявление Сыпко.

– Уже хорошо. А про фирму под названием «Натали» вы тоже слышали?

Платонов почувствовал, как пол стал уходить из-под ног. В фирме «Натали» работала его жена Валентина.

– Слышал, – ответил он, не пытаясь скрыть испуг и недоумение. Он и в самом деле не понимал, о чем идет речь.

– В этой фирме, если я не ошибаюсь, работает ваша супруга, Платонова Валентина Игоревна. Верно?

– Верно. Вы хотите сказать, что «Артэкс» перечислил деньги в фирму моей жены, давая мне взятку?

– Да не хочу, а уже сказал. Вам дали взятку за то, чтобы вы перестали крутить это дело в Уральске. А вы ее взяли. Более того, вы выполнили ряд действий, этой взяткой оплаченных.

– Это неправда, товарищ полковник. Я не имел никаких дел с «Артэксом». Я не брал от них денег и не делал ничего для них, я вам клянусь.

– Ну, Дмитрий Николаевич, это смешно, – вздохнул Мукиенко. – Вы мне клянётесь. Да что мне ваши клятвы? Объективно обстоятельства складываются не в вашу пользу. У меня ведь есть все основания вызвать сейчас конвой и отправить вас из этого кабинета в наручниках. Вы хоть понимаете это? Вы должны представить мне доказательства вашей непричастности, вашей невиновности, а вы мне, видите ли, клянётесь. Ну и что я должен делать с вашими клятвами?

– Я готов ответить на любые вопросы, товарищ полковник. Как я могу доказать вам, что не брал никаких денег у фирмы «Артэкс»? Ну как мне вам это доказать?

– А очень просто. Принесите мне все документы, которые вам удалось раздобыть за восемь месяцев работы. Я хочу видеть реальный результат ваших трудов. Или вашего оплаченного безделья. Это уж как получится. И не забудьте принести документы, которые вам привез из Уральска Агаев.

«Это уж хрен тебе, – зло подумал Дмитрий. – Славка Агаев привез с собой две папки. В одной были материалы по списанным металлсодержащим приборам, в

другой – по золотосодержащим отходам производства. Документы по отходам я у него забрал и не собираюсь никому показывать даже под угрозой расстрела. А документы по приборам остались у Агаева. Сейчас он, наверное, уже прилетел в свой Уральск. Рейс у него был сегодня рано утром, и погода вроде хорошая, задержек с вылетом быть не должно. Интересно, откуда Мукиенко знает про мою встречу с Агаевым? Конечно, мы обменивались телетайпограммами, никакого секрета из совместной работы не делали, но полковник никогда не проявлял видимого интереса к моей работе по Уральску».

– Я не брал у Агаева документы, я только их просмотрел и вернул ему.

– Вы, конечно, рассчитываете на то, что ваши слова никто не сможет опровергнуть, – почему-то грустно произнес Мукиенко.

– Мои слова может подтвердить Агаев. Зачем же их опровергать?

– Прекратите, Платонов! – вдруг Мукиенко перешел на крик. – Вы прекрасно знаете, что Агаев не подтвердит ваши слова.

– Почему? – Дмитрий по-прежнему не чувствовал ничего, кроме раздражения и усталости. Предощущение беды никак не могло прорваться сквозь тяжелый, будто налитый свинцом, туман, окутавший его мозг. Ни разу в жизни Платонов не переживал так остро и тяжело горечь утраты, хотя похоронил многих, и родных, и друзей.

– Потому что Агаев найден убитым через час после того, как вас с ним видели вместе. И не надо мне рассказывать, что вы этого не знали. Дмитрий Николаевич, я не люблю делать поспешные выводы, но и затягивать решение вопросов не в моих правилах. В вашем распоряжении десять минут. Либо за эти десять минут вы представите мне доказательства того, что вы не убивали Агаева и не брали за это деньги у фирмы «Артэкс», либо через десять минут вас выведут отсюда в наручниках. Вы меня слышите, Платонов? Платонов!..

Дмитрий привалился к стене и схватился рукой за левую сторону груди.

– Не может быть, – хрипло прошептал он. – Я вам не верю.

– Напрасно, Дмитрий Николаевич. И не надо мне тут изображать сердечный приступ. В вашем распоряжении десять минут.

– Конечно, конечно, – забормотал Платонов, стараясь пересилить разливающуюся по левой стороне тела боль. – Я сейчас принесу вам все документы, они у меня в сейфе. Я сейчас, сейчас...

Неловко повернувшись, он выскользнул из кабинета. Десять минут. Немного, если учесть размеры здания Министерства внутренних дел.

Он зашел к себе в кабинет и мысленно возблагодарил судьбу за то, что его соседа по комнате в этот момент не было. Через полторы минуты, сунув под язык таблетку валидола, он запер дверь и, стараясь не бежать, направился к лестнице. Лифтом он решил не пользоваться. Выскочив на улицу через бюро пропусков, он тут же нырнул в метро и быстро побежал по эскалатору вниз. Когда истекли отведенные ему для оправдания десять минут, Платонов сел в поезд, идущий в сторону Конькова. Его светлые «Жигули» так и остались стоять у здания министерства.

3

«Хорошо, что Мукиенко не знает про Тарасова, – думал Платонов, стоя в углу качающегося вагона метро и тупо вглядываясь в мелькающую перед глазами черноту. – Но я-то знаю. И я не могу закрыть на это глаза. Три дня назад убит Юрий Ефимович, вчера – Славка. И этот денежный перевод. Круто меня обложили. Но кто? Кто? Господи, как Славку-то жалко! Такой парень хороший... Как же он не уберется? У него ведь оружие было, я точно знаю, сам видел, когда он куртку расстегнул. И Валентину сюда же приплели. Когда они успели проверку-то устроить? Вчера, что ли? Дурак я, надо было вчера домой ехать после работы, а не к Алене, тогда бы я уже вчера знал про деньги от «Артэкса» и сегодня не выглядел бы так плохо в кабинете у Мукиенко. И еще одно плохо: кто-то вычислил Тарасова».

Он вышел из метро на станции «Беляево», купил в кассе жетон для телефона и позвонил жене.

– Валя, у меня неприятности, – сказал он сразу же, как только она сняла трубку. Это означало, что разговор будет предельно сжатым, времени мало, и нужно постараться свести к минимуму ахи и охи.

– Представь себе, у меня тоже, – сухо ответила Валентина, которая не любила, когда Платонов не ночевал дома, даже если причина для этого была более чем уважительная.

– Что случилось?

– Сегодня с утра приходили твои дружки из Управления по борьбе с организованной преступностью и обнаружили на наших счетах какие-то непонятно откуда взявшиеся деньги. Всю душу вынули.

– Много денег?

– Двести пятьдесят.

– Чего? – не понял Платонов.

– Тысяч долларов, чего же еще, – сердито вздохнула Валентина. – Может, ты знаешь, откуда они взялись?

– Знаю. Поэтому и уйду в подполье. Валя, у меня цейтнот, давай я скажу все коротко. Кто-то хочет меня прижать в углу, и крепко. Эти деньги – один из способов свернуть мне шею, обвинить во взятке. Я исчезаю. Если спросят, где я, честно отвечай, что я тебе позвонил и сказал, что уезжаю срочно в командировку. Куда – не знаешь. Я очень торопился, а ты не спросила. Или нет, давай так сделаем: ты сейчас включи автоответчик, я тебе позвоню и все скажу как надо. Тогда к тебе вопросов не будет, мол, как же ты не спросила, что случилось, да куда я еду, да почему такая спешка. Тебя вообще дома не было, когда я звонил. Ладно?

– Хорошо. Что еще?

– Давай договоримся о встрече. Принеси мне деньги. Как можно больше. Я не представляю, сколько времени буду в бегах, поэтому возьми все, что есть.

Зубную щетку, пасту, мыло, полотенце, бритву, белье, носки и пару сорочек. Возьми мой «дипломат» в шкафу, сложи все в него.

– Хорошо, я поняла. Когда и где?

– Переход с «Новокузнецкой» на «Третьяковскую», первая лестница. Выходи из дома через пятнадцать минут, будет семнадцать тридцать. Примерно в пять-семь минут седьмого приедешь на «Новокузнецкую», постарайся не опаздывать. Стой у первого вагона и смотри на часы. Как только загорится «восемнадцать десять», начинай движение. Поднимаешься вверх по первой лестнице, я буду идти во встречном потоке. Поняла?

– Поняла, Митя. Я все сделаю, ты не волнуйся. Сейчас я включу автоответчик, ровно в половине шестого выйду из дома, в десять минут седьмого пойду на переход с «Новокузнецкой» на «Третьяковскую». Не бойся, я ничего не перепутаю. Ну, все? Ты ничего не забыл?

– Я тебя люблю, – благодарно произнес Платонов.

– И я тебя люблю. До встречи.

Валентина повесила трубку. Он задумчиво постоял несколько секунд возле телефона-автомата, потом пошел к кассе и купил еще один жетон.

– Валюша, мне срочно нужно уехать в командировку, – торопливо заговорил он, услышав тонкий писк включившегося магнитофона в автоответчике. – Может быть, я сумею заскочить домой, взять кое-что необходимое, но скорее всего просто не успею. Когда вернусь – неизвестно. Времени в обрез, поэтому машину оставил на Житной, возле министерства. Там она будет в сохранности. Не волнуйся, я буду звонить. Целую тебя и Мышонка.

Он снова спустился в метро и поехал обратно в центр. Выйдя на станции «Третьяковская», неторопливо пошел к эскалатору, считая про себя секунды. Запомнил, на какой цифре подошел к лестнице и на какой – закончил спуск на «Новокузнецкую». Потом, продолжая счет, прошел от лестницы до первого вагона поезда с той стороны, откуда должна приехать Валентина. Прodelал весь путь в обратном направлении, проверяя отсчет. Кое-что уточнил, взглянул на часы и подумал, что не нужно ему сидеть целых двадцать минут на

платформе, глаза мозолить. Лучше проехать четыре остановки в любую сторону и вернуться.

Через двадцать минут он с толпой пассажиров начал медленный спуск по лестнице. Согласно висящему наверху знаку, лестница предназначалась только для движения вниз, однако слева всегда протискивался тоненький ручеек упрямых глупых пассажиров, которым лень было сделать еще три шага до следующей лестницы, по которой люди шли вверх. Валентину он увидел издали. Она шла, не поднимая головы, не озираясь, глядя под ноги, что было вполне оправданно, ибо идти навстречу спускающемуся по лестнице многоголовому и многоногую монстру в час «пик» было небезопасно. Платонову даже показалось, что он чувствует запах ее духов. «Я никогда не смогу уйти от нее», – почему-то подумал он совершенно некстати. Поравнявшись с женой, он чуть-чуть сдвинулся влево, задевая ее плечом и разжимая пальцы. Тут же в ладонь удобно легла пластиковая, обтянутая натуральной кожей ручка «дипломата». Он едва успел ласково провести пальцами по нежной ладони женщины. Вот и все. Еще минуту, еще двадцать секунд назад он был обыкновенным человеком, идущим на встречу с собственной женой. А сейчас, взяв у нее портфель и позволив ей уйти, он превратился в беглеца, скрывающегося от правосудия. Он – вне закона.

Дмитрий Платонов буквально спиной чувствовал, как удаляется от него Валентина и вместе с ней – нормальная законопослушная жизнь, легальная и открытая, словно вместе с женой от него отодвигалась та граница, которая только что разделила ТОТ мир и ЭТОТ.

4

В машине было тепло и душно. Андрей Чернышев, оперативник из областного управления внутренних дел, приехал на Петровку за Настей Каменской прямо с бензозаправки, и в салоне все еще витал весьма ощутимый запах бензина.

– Я открою окно, – полувопросительно сказала Настя, берясь за ручку.

– Смотри, чтобы тебе не надуло, – откликнулся Чернышев, которого моментально прохватывало даже на малюсеньком сквозняке.

– Да черт с ним, пусть надует, – беззаботно откликнулась Настя. – Иначе я в обморок свалюсь, я же духоту не переношу.

– Интересно, а как же ты летом на юг ездешь?

– Никак, – пожала она плечами.

– Как это – никак?

– А я не езжу летом на юг.

– А когда ездешь? Осенью, в бархатный сезон?

– Не-а. Я вообще никуда не езжу. Во время отпуска сижу дома, деньги зарабатываю переводами.

– А дача?

– Да бог с тобой, – она испуганно всплеснула руками. – В нашей семье сроду дачи не было.

– Интересно, почему? Сейчас мало людей найдется, у которых дачи нет или участка садового. В основном у всех есть какой-никакой сад-огород.

– Трудно сказать, Андрюша. Сколько я себя помню, этот вопрос даже и не поднимался. Мама много работала, в выходные тоже все время что-то писала, на компьютере работала. Какая ей дача? Папа в уголовном розыске трубил, ему бы на сон пять часов в неделю урвать – уже радость. Ну и я с детства к природе не приучена, выросла городским ребенком, у меня и тяги такой нет, чтобы в лес выехать или там на полянку какую-нибудь. Стыдно признаться, но меня это раздражает. Обязательно что-то колется, что-то кусается, воды горячей нет, мягкого дивана нет, телефона нет. Ну и так далее.

– Хорошо, что ты в городском управлении работаешь, а не в областном, как я, – философски заметил Андрей. – А то как преступление – так природа. Даже если оно совершено в доме, так до него пока доедешь – в машине укачает. И опять

же, ехать через ту самую природу, которую ты не любишь. – Не передергивай, я не сказала, что не люблю, я сказала, что я к ней равнодушна.

Некоторое время они ехали молча, не произнося ни слова.

– Андрюша, не тяни, – наконец сказала Настя. – Выкладывай.

– Да нечего особенно рассказывать, – вздохнул Чернышев. – Опять та же самая история. Выстрел в затылок, револьвер девятимиллиметровый. Труп в лесополосе, недалеко от дороги. Молодой мужик. Я надеялся, что ты до чего-нибудь додумалась.

– А связи?

– Ничего. Никаких связей с другими потерпевшими. По крайней мере, на первый взгляд. Конечно, там еще копать и копать. Я уже, честно признаться, стал понедельников бояться. Как приду на работу – так убийство. Их по выходным дням отстреливают, что ли?

– Похоже. Получается одно из двух: либо потерпевшие – люди, до которых добраться можно только в выходные дни, потому что по будним дням они всегда на людях или под охраной, либо преступник у нас такой специфический. Сумасшедший, например. Или тоже занят полную рабочую неделю. Как ты на это смотришь?

– Я подумаю, – отозвался Чернышев. – Из четырех погибших один – студент, один – коммерсант, двое нигде постоянно не работают. Может быть, дело действительно в их образе жизни. Но где они могли пересечься? Почему их убивает один и тот же человек?

– Стоп, стоп, Андрюша, не один и тот же человек, а из одного и того же оружия. Ну и, если угодно, одним и тем же способом. Но в том, что убийца тот же самый, мы не можем быть уверены.

– Да ладно тебе. Судя по заключению экспертов, во всех четырех случаях выстрел произведен с расстояния 22 – 24 метра человеком, имеющим рост примерно 168 сантиметров. Если убийцы разные, то их что, по-твоему, по росту

подбирали? Тебе не кажется, что это маловероятно?

- Я не знаю такого слова, - пожала плечами Настя.

- То есть?

- Мы в своей работе не должны заниматься оценкой вероятности. Это одна из самых больших наших ошибок. Мы должны предусмотреть все, понимаешь, все без исключения. У большинства из нас мышление организовано неправильно.

- Интересно ты рассуждаешь. А как же правильно?

- А правильно - это как у компьютера. Ты когда-нибудь играл с компьютером в преферанс?

- Приходилось, - хмыкнул Андрей.

- Тогда ты должен помнить, что, если на одних руках, к примеру, семерка, десятка и туз, машина очень долго думает, какую карту снести. Человек просто помнит, что семерка меньше, туз - больше, и бросает карту не задумываясь, а машина, прежде чем сделать ход, каждый раз просчитывает расстояние от семерки до десятки и дальше до туза и только после этого делает ход. Она не может запомнить, что семерка всегда меньше десятки, она эту истину открывает каждый раз заново. Кстати, я это всегда учитываю, когда играю. Поэтому, сколько времени машина думает, можно примерно определить, какие карты на руках у противника. Если сброс карты идет сразу, значит, она в данной масти либо вообще единственная, либо там лежат две подряд, например, семерка с восьмеркой или дама с королем. Если долго думает, значит, либо карт много, либо между ними расстояние большое. Так и мы с тобой: в каждом преступлении мы должны все истины открывать заново, а не оценивать степень вероятности каждой из них. Другое дело, что планировать работу мы начинаем с проверки наиболее вероятных версий, но держать в голове мы должны все, даже самые невероятные.

К Настинному дому они подъехали около десяти вечера.

- Может, на завтра перенесем? – осторожно предложил Чернышев. – Поздно уже, неудобно.

- Почему неудобно? – удивилась она. – Нормально. Пошли, не выдумывай.

Войдя в квартиру, Настя первым делом кинулась на кухню ставить чайник на огонь. Ей никак не удавалось нормально работать без чашки крепкого кофе.

- Извини, у меня еды никакой нет, могу предложить только бутерброд с сыром. Будешь?

- Буду. Аська, скорей бы ты уже замуж вышла, что ли. У тебя холодильник – как у старого холостяка.

- Думаешь, я после свадьбы готовить начну? – засмеялась она. – Не обольщайся. Мне скоро тридцать пять, меня уже не переделать.

- Как же ты своего Чистякова кормить собираешься?

- А он сам себя прокормит. И меня заодно.

Она включила компьютер и разложила перед собой записи, которые Чернышев сделал, работая по четырем убийствам.

- Начнем с места преступления. Говори точные координаты.

На мониторе появилась карта Московской области, на которую Настя аккуратно нанесла четыре точки, обозначающие места, где были найдены четыре трупа с огнестрельными ранениями в затылок. Все точки находились на разном расстоянии от центра Москвы, самая ближняя – в сорока километрах, самая дальняя – в ста десяти.

- Пока ничего не видно, – задумчиво прокомментировала она. – Единственное, что можно сказать: все эти точки находятся примерно в одинаковом удалении от Хорошевского района. Об этом имеет смысл подумать, если исходить из того, что все дело в преступнике. Может быть, он живет где-то в этом районе. Знаешь, люди очень подвержены привычкам. Если человек выбирает из двух-трех

маршрутов в первый раз какой-то один и на этом маршруте с ним не происходит ничего плохого, в девяти случаях из десяти он остальные маршруты и пробовать не станет. Убийца в первый раз завез свою жертву на расстояние примерно в семьдесят километров. Убедившись, что все прошло благополучно и его в течение недели не поймали, он автоматически начинает считать семьдесят километров оптимальным безопасным расстоянием. Ближе – рискованно, дальше – нет необходимости. Ведь такое может быть?

– Может, – согласился Андрей. – Только не очень похоже, что убийца специально увозил будущую жертву за семьдесят километров от города. Родственники погибших в трех случаях из четырех знают, куда и зачем ехали эти люди. Студент – на дачу к родителям, коммерсант – на завод, выпускающий телевизоры, это в Талдомском районе, из двоих неработающих один ехал к друзьям.

– А четвертый?

– Вот четвертый совершенно непонятно зачем отправился за город. Те, кто его знает, говорят, что никогда не слышали от него ни о каких знакомых, живущих в районе Истры. Чего он туда потащился? На свою голову...

Настя стала быстро записывать в компьютер информацию о четырех убийствах. Некоторое время в комнате стояла тишина, нарушаемая только мягким пощелкиванием клавиш и звонкими сигналами, которые издавала машина, когда набиралось незнакомое ей слово.

– Попробуй поискать в Хорошевском районе какого-нибудь сумасшедшего, – посоветовала Настя. – Планомерный отстрел молодых мужчин сильно смахивает на нарушения психики. Ведь у нас все потерпевшие – молодые, верно?

– Верно, от девятнадцати до двадцати пяти.

– И все – по выходным дням?

– Все.

– Черт знает что... – устало вздохнула она. – Ну, будем пробовать.

– Аська, сегодня уже четверг. А вдруг в понедельник опять? Я с ума сойду, ей-богу. На тебя вся надежда.

– Не надо взваливать на меня ответственность, Андрюша. Ты сам прекрасно знаешь, что больная психика ведет к случайному отбору жертв, а при случайном отборе преступления никогда сразу не раскрываются. Приготовься к тому, что тебе придется пережить еще не одно убийство, пока ты этого психа поймаешь. Если вообще поймаешь.

– Да тьфу на тебя! – взвился Чернышев. – Что ты такое говоришь?! Я и так сон потерял.

– Что ж делать, миленький, – Настя сочувственно погладила его по плечу. – Работа такая. Розы бывают раз в десять лет, зато дерьма – навалом и каждый день.

5

Проводив Чернышева, Настя быстро скинула джинсы и свитер и залезла под горячий душ. У нее были не очень хорошие сосуды, и от этого всегда мерзли руки и ноги. Она не могла заснуть, не согревшись предварительно в горячей воде.

Стоя в ванне и прислушиваясь к тому, как упругие струи воды шуршат, попадая на пластик купальной шапочки, она приводила в порядок полученную за день информацию. Слова Юры Короткова, произнесенные им в понедельник, оказались пророческими. Убийство в Совинцентре, похоже, доставит им немало головной боли. Мало того, вчера совершено убийство работника милиции, приехавшего из Уральска-18, Вячеслава Агаева. Все бы ничего, да беда в том, что Агаев обслуживал предприятия, входящие в систему Министерства среднего машиностроения. Того самого министерства, в котором так долго работал Юрий Ефимович Тарасов. И такое милое сочетание Анастасии Каменской почему-то совершенно не нравилось.

Когда полковника Мукиенко вызвал к себе генерал, Артур Эльдарович приготовился к худшему. В том, что Платонов провел его, как мальчишку, и смылся в неизвестном направлении, полковник винил только себя, поэтому, идя по покрытому мягкой ковровой дорожкой коридору к кабинету генерала Заточного, даже не пытался придумать оправдания своей оплошности, а просто мужественно нес повинную голову.

Генерала он знал давно, но близко знаком с ним не был, поэтому на дружеское снисхождение особо не рассчитывал. Однако была у Мукиенко одна слабость, маленькая совсем, незначительная слабость, но на слабости этой его легко можно было взять, что называется, голыми руками. Артур Эльдарович не переносил, когда на него повышают голос. Он сразу терялся, краснел, подмышки и ладони мгновенно делались влажными, и вообще он начинал чувствовать себя плохо, не мог легко и быстро найти ответ и от сознания своей беспомощности и уязвимости делался агрессивным. Полковник мог достойно вынести любой, самый неприятный разговор и сгладить любой конфликт, но только лишь в том случае, когда собеседник его бывал вежлив и сдержан. К сожалению, случалось такое нечасто.

Но на этот раз Артуру Эльдаровичу повезло. Генерал Заточный пришел в министерский кабинет из сыскарей-экономистов, имел большой опыт общения с внешне приличными работниками хозяйственно-производственной сферы, директорами, ревизорами, главбухами, иными словами – людьми, которых глоткой и нахрапом не возьмешь, с ними можно было разговаривать только тихонько, интеллигентно, с мягким юморком, едва заметными легкими толчками подбивая их к случайным проговоркам и завуалированным признаниям. Когда он был еще капитаном и старшим опером в районном управлении, один остряк скаламбурил: «Чем тише Заточный разговаривает, тем ближе перспектива заточения в камеру».

Было у генерала еще одно «секретное» оружие. Знали о нем все, кто был с ним знаком, но уберечься почти никому не удавалось. Иван Алексеевич Заточный умел улыбаться. Да не абы как, дежурно раздвигая губы, когда глаза остаются пустыми и равнодушными, а искренне, радостно, сверкая безупречно ровными зубами. Его желтые тигриные глаза в такую минуту, казалось, излучали свет, как два маленьких солнышка, обогревая собеседника неожиданным ласковым теплом, а лицо выражало такую приязнь и добродушие, что устоять было невозможно. Не счесть людей, попавшихся на эту знаменитую улыбку и забывших в самый ответственный момент об осторожности и о том, каким опасным и непредсказуемым может быть Заточный.

– Заходи, Артур, – приветливо произнес генерал, выходя из-за стола и шагая навстречу Мукиенко с протянутой рукой.

Полковник ответил на крепкое рукопожатие и настороженно взглянул на начальника. «Уж лучше сразу, чем тянуть», – решил полковник и спросил:

– Бить будете?

– Сначала разберусь, – улыбнулся Заточный. – Присаживайся. Я люблю новости из первых рук принимать, а не подержанные, как на барахолке. Когда вещь через десятки рук пройдет, разве поймешь, как она выглядела, когда ее на фабрике сделали?

– С самого начала рассказывать?

– С самого что ни на есть, – подтвердил Иван Алексеевич.

– На прошлой неделе поступил сигнал от сотрудника финансово-планового отдела одного из заводов, расположенных в Уральске-18, – начал Мукиенко, стараясь излагать последовательно, чтобы генералу было понятно, но не слишком подробно, чтобы не затягивать. – Фамилия этого человека Сыпко. Он восемь месяцев назад обращался в инстанции по поводу нарушений, связанных со списанием электронной и иной техники, содержащей драгметаллы. Проверка была поручена подполковнику Платонову. Сейчас Сыпко снова обратился к нам в связи с тем, что по его сигналу ничего не предпринимается, нарушения не вскрываются и виновные не наказаны. В Уральске по поручению Платонова этим заводом должен был заниматься капитан Агаев. Два дня назад Агаев прибыл в

Москву по вызову Платонова, имея при себе документы по этим приборам. Позавчера, в среду, Агаев встречался с Платоновым. В тот же день вечером Агаев был убит. Документов на приборы при нем не обнаружено, зато нашлись две любопытные бумажки. Одна – телетайпограмма, которой Платонов вызвал его в Москву. Вторая – полоска бумаги с реквизитами банковского счета и датой. Проверка показала, что это счет фирмы «Натали», на который в указанный день была переведена сумма в двести пятьдесят тысяч долларов. Деньги пришли со счета фирмы «Артэкс», которая в прошлом месяце заявила о своей ликвидации. Фокус состоит в том, что «Артэкс» проходит по материалам Платонова как фирма, через которую в нарушение всех правил реализовывались подлежащие списанию приборы с уральского завода. А в фирме «Натали» работает жена Платонова. Когда я попросил Платонова представить мне все материалы по заводу в Уральске, он вышел якобы к себе за документами и исчез. Вот, собственно, и все.

Мукиенко перевел дыхание и приготовился к разносу.

– Да нет, Артур, не все, – вздохнул Заточный. – Далекое не все. Ты подозреваешь, что деньги, которые «Артэкс» отстегнул фирме «Натали», – это взятка самому Платонову. Так?

– Ну, в общем, – замялся полковник, – примерно так.

– И за что же, по-твоему, ему дали эту взятку?

– За то, чтобы он замарафетил улики и смазал дело о злоупотреблениях. Недаром же за восемь месяцев дело с мертвой точки не сдвинулось.

– А ты уверен, что оно не сдвинулось?

– У меня нет доказательств обратного, – возразил Мукиенко. – Платонов мог бы представить мне все документы, я дал ему такую возможность. А он вместо этого сбежал. Как я должен это понимать?

– Ну, каждый понимает в меру своей испорченности, – усмехнулся генерал. – Этой истине нас еще в детстве учили. Ты его и в убийстве небось обвинил? Да ладно, не стесняйся, говори. Ведь обвинил?

– Впрямую – нет. Я только сказал, что через полчаса после того, как его видели вместе с Агаевым, капитана нашли мертвым.

– А он что?

– Ничего. За сердце схватился.

– Понятно. Значит, так, Артур, попали мы с тобой в нехорошую историю. Давай думать, как выбираться будем. Ты, вот лично ты, не как большой начальник, а как человек, ты веришь в то, что Платонов виновен во взяточничестве и убийстве?

– Нет, товарищ генерал. Не верю, – твердо ответил Мукиенко.

– И я не верю. Так на хрена ж ты его пугал своими обвинениями?

Мукиенко стало заметно легче. Он даже сумел улыбнуться, уж очень детским показался ему вопрос генерала.

– Хотел добиться, чтобы он мне материалы показал. Вы же сами знаете, Иван Алексеевич, ни один порядочный опер свои материалы никому зазря не покажет. Единственный способ в них заглянуть – припугнуть как следует.

– И зачем тебе занатребилось в них смотреть, в материалы эти? Чего ты там увидеть хотел?

– Я, товарищ генерал, хотел убедиться, что Платонов действительно работал по уральскому заводу, а не валял восемь месяцев дурака.

– Зачем, Артур? – с тоской спросил Заточный. – Зачем тебе в этом убеждаться? Откуда у тебя сомнения-то появились? Какой-то малахольный Сыпко написал клязу, и ты уже готов поставить под сомнение честность своего подчиненного? Артур, дорогой, нельзя так, пойми. Мы все по лезвию ножа ходим. Ты посмотри вокруг, посмотри, как мало нас осталось. Ведь за что работаем, за что задницу-то рвем? Не за деньги, не за регалии, за идею да за честь мундира. И то не все. Деньгами нашими, которые мы за свою работу получаем, только подтереться и можно, больше они ни на что не годятся. Среди нас троечников уже не осталось,

это тебе не прежние времена. Все троечники и «хорошисты» давно в коммерцию пристроились. Остались только сумасшедшие идеалисты и сволочи. Первых, заметь себе, намного меньше, чем вторых. Поэтому каждый раз, когда в тебе червячок зашевелится, думай в первую очередь о том, что если человек из первой категории – ты его смертельно обидишь и потеряешь как сотрудника и соратника, а если он из второй категории – ты его просто-напросто спугнешь своими прямыми вопросами и обвинениями. И так нехорошо, и эдак неладно. Ты Платонова своего совсем не знаешь, работаешь всего три месяца, где уж тебе определить с первого взгляда, к какой он категории относится. Не надо было сразу в бой кидаться, пришел бы ко мне, посоветовался, мы бы вместе чего-нибудь сообразили. А ты...

Он горестно махнул рукой. Говорил генерал Заточный совсем тихо, еле слышно, и от этого казалось, что он не сердится, а сокрушается и вот-вот заплачет. Мукиенко даже на какое-то мгновение стало неловко, мол, как же так, расстроил человека, чуть не до слез довел. Но в следующее мгновение он спохватился, сообразив, что генерал просто использует очередное «секретное» оружие, о котором тоже знали все и все равно попадались. И он, Мукиенко, чуть не попался.

– Кто ведет дело об убийстве Агаева? – спросил генерал.

– Петровка забрала. Но поскольку Агаев не москвич, наверное, создадут группу, кого-нибудь из главка привлекут. Тем более что там фигурирует наш Платонов.

– Я вот что думаю, Артур, – по-прежнему тихо продолжал Заточный. – Если Платонов действительно продался, это, конечно, плохо, это мы с тобой проморгали, но знать об этом всем окружающим совершенно необязательно. Тяжелые болячки надо пересидеть в карантине. Согласен?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.me/aleksandra-marinina/shesterki-umirayut-pervymi>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)